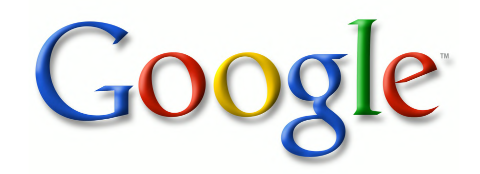
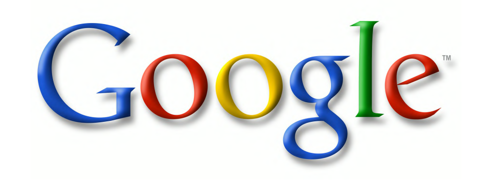
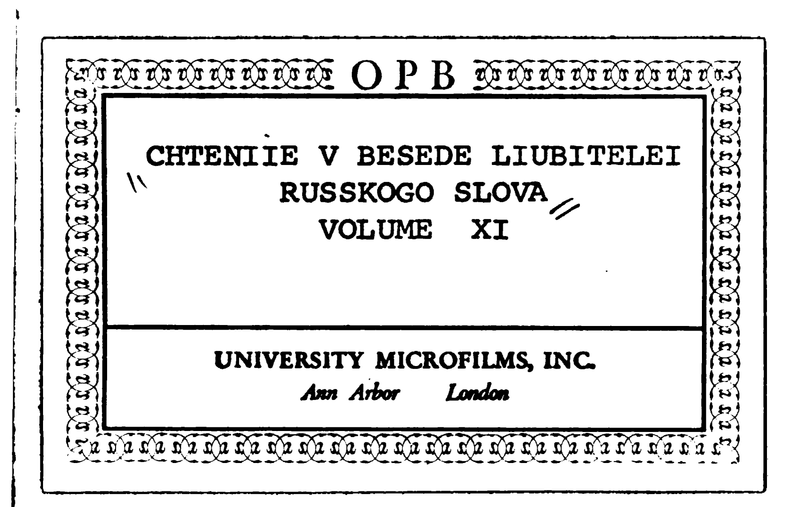

OPB
CHTENIIE V BESEDE LIUBITELEI
RUSSKOGO SLOVA
VOLUME XI
UNIVERSITY MICROFILMS, INC.
Ann Arbor London

This "O-P Book" Is an Authorized Reprint of the Original Edition, Produced by Microfilm-Xerox by University Microfilms, Inc., Ann Arbor, Michigan, 1961

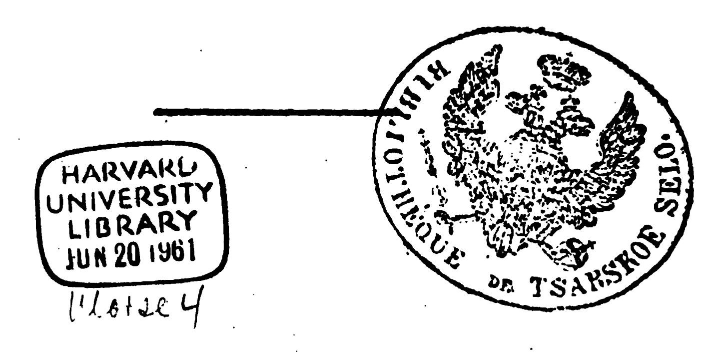
ЧТЕНІЕ

ВЪ

БЕСѢДѢ

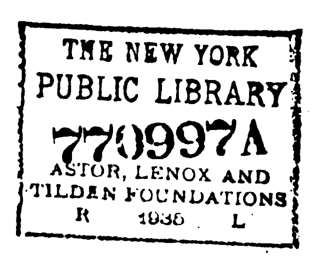
ЛЮБИТЕЛЕЙ РУСКАГО СЛОВА.

ЧТЕНІЕ ОДИННАДЦАТОЕ.

ВЪ САНКТПЕТЕРБУРГѢ.

при Сенатской Типографіи
1813 года.

Печатать позволяется

съ тѣмъ, что бы по напечатаніи до выпуска изъ Типографіи представлены были въ Цензурный Комитетъ: одинъ экземпляръ сей книги для Цензурнаго Комитета, другой для Департамента Министерства Народнаго Просвѣщенія, два экземпляра для Императорской Публичной Библіотеки и одинъ для Императорской Академіи Наукъ. Санктпетербургъ, Іюня 23 го 1813 года.

Цензоръ Статскій Совѣтникъ и Кавалеръ
Иванъ Тимковскій.

ПѢСНЬ РОССІЯНИНА

въ новый 1813 годъ.

Промчался годъ, какъ вихрь ужасный,
Обтекъ пространный кругъ небесъ,
И солнце пламенникъ свой ясный
Вокругъ Вселенныя обнесъ.
Какъ витязь, бранью побѣжденный,
Оставилъ поприще свое
И съ шумомъ палъ въ небытіе. —
Се братъ его новорожденный
Полнъ силы, вземлетъ свой полетъ,
Паритъ, — держа свѣтильникъ міра,
И сыплетъ долу отъ Эфира
Дары Царя временъ и лѣтъ. —

Несись — сынъ времени крылатый,
Вѣщай народамъ и странамъ:
Что Вышній въ милости богатый,
Воспомнилъ въ гнѣвѣ милость къ намъ;
Послалъ съ высотъ Свою десницу,
Злодѣевъ сокрушилъ — и насъ
Отъ бездны бѣдъ возвелъ и спасъ;
Блаженства возсіялъ денницу
Въ густой на насъ зіявшей тьмѣ. —
Вѣщай — да научатся царства
Блюстися злобы и коварства,
Храня ихъ казнь въ своемъ умѣ.

* * *

Какъ вержутся со скалъ потоки
И злачный потопляютъ долъ,
Такъ вторгшись варвары жестоки
Потопомъ ужасовъ и золъ
Обширной Россія державы
Покрыли западны страны. —
Сражаются ея сыны,
И труповъ ихъ бугры кровавы
Растутъ высоко къ облакамъ;
Кипятъ ихъ кровію равнины
И каплютъ горныя вершины,
И кровь ихъ льется по рѣкамъ.

Какъ пещи воспылали грады
Громовый издавая трескъ —
Падутъ — и падшимъ нѣтъ пощады!
Пылалъ Смоленскъ — и тусклый блескъ
Далече разливалъ со смрадомъ,
И дымомъ солнце очернилъ,
И пепломъ Днѣпръ оземленилъ.
Пылала и Москва — и адомъ
Борима въ молніяхъ на смерть
Шаталась древними стѣнами,
И пламень ударялъ волнами
Въ багрову раскаленну твердь.

* * *

Какъ Этна зрится въ нощи темной
Огнями роющая міръ,
Когда пожаръ отъ дна подземной
Столпомъ возносится въ эфиръ;
Толь страшенъ видъ Москвы горящей:
И рдяный пламени отливъ
Полсвѣта свѣтло озаривъ
Европѣ кажется стенящей
Ея лютѣйшихъ бѣдъ зарей,
Ея свѣтильникомъ надгробнымъ,
Огнемъ забавъ убійцамъ злобнымъ,
Тиранамъ царствъ, бичамъ царей.

Увы! и къ олтарямъ священнымъ
Злодѣй злодѣенъ устремилъ,
И гдѣ предъ Богомъ воплощеннымъ
Стояли сонмы горнихъ силъ
Закрывъ лице свое крилами
И долу преклонивъ чело,
Тамъ смѣхъ кощунство вознесло
И въ буйствѣ хвалится хулами. —
Гдѣ манна, снедшая съ небесъ,
Питала вѣрныхъ брашномъ вѣчнымъ,
Тамъ адъ толпамъ безчеловѣчнымъ
Устроилъ пиръ кровей и слезъ. —

* * *

Гдѣ въ честь всемірнаго Владыки
Гремѣлъ Сіонскихъ пѣсней звукъ,
Тамъ шумства раздаются клики,
Тимпановъ бранныхъ громкій стукъ
И шумъ нечестію хваленій.
Грабежъ, законъ поправъ ногой,
Хватаетъ хищною рукой
Изъ дольнихъ Вышняго селеній
Добычи утварей златыхъ,
И небу нанося обиды
Святыхъ уничижаетъ виды
И видъ Святаго во Святыхъ.

Кивая гордыми главами,
Кипящи желчію вражды,
Враги считаютъ празднествами
Напасти наши и бѣды;
Изъ нѣдръ поруганной святыни
Благому Промыслу въ укоръ
На небо мещутъ наглый взоръ.
Какъ жаждутъ знойныя пустыни
Росы небесныя прохладъ,
Такъ Россы свыше ждутъ избавы,
И сами съ плесками отъ славы
Боря враговъ свергаютъ въ адъ.

* * *

Кипѣли воинствомъ противнымъ
Отъ крови скользкія поля,
И шумомъ браней непрерывнымъ
Тряслась ревущая земля:
За строями неслися строи,
За страхомъ страхъ, и зло за зломъ;
Но Россы, малые числомъ,
Велики мужествомъ, Герои,
Противъ сражающихъ лучей,
Уставивъ грудь отъ адаманта,
Воюютъ — и въ крови гиганта
Калятъ булатъ своихъ мечей.

Какъ левъ стремится на ловитву,
Орелъ на добычу летитъ,
Такъ мчится Россъ отъ битвы въ битву,
Перунъ Царя, и Царства щитъ! —
Подъ силой Росса исполинской
Трещалъ Европы бранной рогъ,
И стать во брани не возмогъ,
И громъ побѣды Бородинской
Потрясъ вселенну и облекъ,
И прейдетъ грозенъ, быстръ и звученъ,
Со славой Росса неразлученъ
Отъ рода въ родъ, отъ вѣка въ вѣкъ. —

* * *

Напрасно вновь, съ кичсньемъ многимъ,
Грозятъ злодѣйствами враги,
Уже предъ Богомъ правды строгимъ,
Уже исполнились грѣхи
И мѣра звѣрскихъ ихъ развратовъ:
Онъ Росса преисполнилъ силъ,
Онъ мечъ Россіи поострилъ
Какъ молнію на супостатовъ;
И се! свирѣпствуетъ сей мечъ
Въ рукахъ къ Отечеству любови,
Насытился, упился крови,
Но жаждетъ корень зла пресѣчь.

И врагъ начальный межъ врагами,
Который лѣствицей крамолъ
Изъ пыли, топтанной ногами,
Взбѣжалъ съ убійствомъ на престолъ,
И рабъ страстей, рабъ ложной славы
Между Царей возсѣлъ Царемъ;
Который, наложивъ яремъ
На земли, племена, державы
Взалкалъ Россіи жизнь пожрать,
Взыграть поверхъ ея могилы,
Притекъ во тьмахъ ужасной силы,
Привлекъ лютѣйшу тигровъ рать;

* * *

Который Царства двигалъ словомъ
И грознымъ маніемъ главы;
При звукѣ трубъ, во блескѣ новомъ,
Вносился во врата Москвы,
И гордо возсѣдалъ на тронѣ
Царей Россійскихъ и Князей
Бѣжитъ — торжествъ своихъ стезей,
По страшномъ страшныхъ силъ уронѣ,
Бѣжитъ съ отчаяньемъ однимъ;
Бѣжитъ, томящійся отъ глада,
Бѣжитъ, трепещущій отъ хлада,
Смоленскій въ слѣдъ летитъ за нимъ.

Летитъ за извергомъ гордыни,
Крушитъ хребетъ, льетъ кровь рѣкой,
Палящи мѣдныя твердыни
Отъемлетъ смѣлою рукой,
И гонитъ въ плѣнъ бичемъ боязни,
Какъ стадо, тьмы и тьмы враговъ.
И се — у Нѣменскихъ бреговъ,
Наноситъ чадамъ непріязни
Послѣдній гибельный ударъ;
Останки ихъ низвергъ во гробы,
Очистилъ отъ чудовищъ злобы,
Отъ скверпъ убійства земный шаръ.

* * *

Какъ китъ, пучины преплывая,
Волнуетъ моря широту,
Межъ льдяныхъ горъ гора живая!
Разитъ небесну высоту
Пущенной изъ главы рѣкою,
И жизней тысячи вокругъ
Разинувъ пасть глотаетъ вдругъ;
Сквозь тукъ пронзенный острогою
Отъ сына сѣверной страны,
Взревѣвъ окровавляетъ воды;
Ликуютъ рыбъ несчетны роды
И море чаетъ тишины.

Такъ варваръ, сокрушавшій троны
Тиранства своего жезломъ,
Алкающъ міру дать законы,
Своей несытости жерломъ
Во браняхъ поглащалъ народы,
И зломъ дѣяній и словесъ
Сражался съ благостью небесъ;
Но Россъ страданія природы
Отмстилъ — и разразилъ кумиръ,
Взнесенный пагубы рукою,
Европа предалась покою,
Вселенная лобзаетъ миръ.

* * *

Я зрю — изъ бездны водъ лазурной
Воставъ утесиста скала,
Въ эфиръ возносится небурной;
И сверхъ кремнистаго чела
Возноситъ къ солнцу вѣчны снѣги,
Подпорой служитъ небесамъ,
Противясь ребрами грозамъ,
И вѣтровъ прерываетъ бѣги,
И море отражаетъ вспять.
Такъ грудью въ крѣпость облеченной,
Противъ Европы ополченной,
Могла Россія устоять.

И нынѣ въ славѣ обновленной
Срѣтаетъ новый, славный годъ,
Стоитъ — столпъ крѣпости вселенной,
Небесный притѣняетъ сводъ
Лѣсистой лаврами главою,
И взоръ, сосѣдственной звѣздамъ,
Вперяетъ къ Нѣменскимъ водамъ
И зритъ: — гремя побѣдъ молвою,
Текутъ, летятъ ея сыны
Чрезъ многи запада пространства,
Извлечь изъ челюстей тиранства
Еще враждебныя страны.

* * *

Предходитъ Ангелъ благодатный,
И духомъ кротости своей
Смягчаетъ гнѣвъ и пылъ ихъ ратный;
Ниже, какъ оный мужъ кровей,
Жадаетъ землю зрѣть пустую;
Несетъ на ближни племена
Не узъ желѣзныхъ бремена,
Но цѣпь согласія златую,
Связать сердца Царей и Царствъ
И въ матерь имъ подать Россію;
Несетъ и громъ въ погибель змію,
Въ рушенье всѣхъ его коварствъ.

И се — предъ сонмами героевъ,
Сей нѣжный Сѣвера отецъ,
Зря Сѣверъ чистый отъ разбоевъ
Предсталъ — повергнулъ свой вѣнецъ,
Повергся ницъ челомъ священнымъ,
Помостъ слезами оросилъ,
И къ Богу мира, Богу силъ
Взываетъ сердцемъ восхищеннымъ,
Къ тому, кто чудною судьбой
Разрушилъ ковы преисподней,
И лѣта благости Господней
Начатокъ дней святитъ мольбой.

* * *

О Ты! который въ вѣчныхъ лѣтахъ
Превыше мѣры и числа,
Коль страшенъ Ты въ Твоихъ совѣтахъ!
Коль страшны всѣ Твои дѣла!
Заступникъ мой! моя ограда!
Мое прибѣжище! мой Богъ!
Ты благъ и милостиво строгъ;
Ты зрѣлъ — Твои нельстивы чада
Склонялись сердцемъ ко льстецамъ,
И сладкимъ ихъ прельщались ядомъ,
Ты зрѣлъ — разторгъ плетенный адомъ
Союзъ противный небесамъ.

—

Ты часто потрясалъ вселенной,
И тѣмъ являлъ во всѣхъ вѣкахъ
Словесной твари ослѣпленной,
Что жребій Царствъ въ Твоихъ рукахъ,
Что Ты властей земныхъ Властитель,
По всей землѣ Твои судьбы,
Цари людей Твои рабы,
Судей народовъ Ты Судитель.
Ты нынѣ истину сію
За грѣхъ нашъ оправдалъ войною,
Но спасъ меня-и спасъ со мною
Россію вѣрную мою.

* * *

Никто изъ перстныхъ небезгрѣшенъ
Хотя бы жилъ единый день;
Но гнѣвъ Твой милостію взвѣшенъ!
Прешла печаль моя какъ тѣнь,
Какъ солнце возсіяла радость,
И радости пресвѣтлый лучъ
Въ Россіи не срѣтаетъ тучъ;
Изъ горести изходитъ сладость
И зло добромъ побѣждено;
Изрыло намъ тиранство яму,
Но къ вѣчной гибели и сраму
Само обрушилось на дно.

Обрушилось-и казнь и муку
Ему уготовляетъ адъ;
Всещедрый отверзаетъ руку,
Вселенна полнится отрадъ;
И пѣснь побѣды величава
Поется Сѣвера сынамъ;
Но Боже силъ! не намъ, не намъ,
Тебѣ достоитъ честь и слава:
Ты кончилъ тьмы со свѣтомъ споръ,
На Промыслъ предварилъ упреки;
Да будетъ твердъ нашъ миръ вовѣки,
Какъ твердъ хребетъ Рифейскихъ горъ.

* * *

Не Ты ли, сокрушаяй брани,
Былъ Россамъ въ Бога и въ Отца?
Къ Тебѣ мы воздѣваемъ длани,
Къ Тебѣ возносимъ мы сердца,
Тебѣ мы кланяемся духомъ
И съ громкой ревностной мольбой
Падемъ на лица предъ Тобой;
Склонися милостивымъ слухомъ
Къ нестройнымъ нашимъ похваламъ
И гласъ прими благодареній,
Какъ дымъ отъ жертвенныхъ куреній,
Какъ Савскій чистый фиміамъ.

Скончалъ, восторгомъ безконечнымъ,
Невмѣстнымъ въ мысли и слова;
Съ пріятнымъ трепетомъ сердечнымъ,
И съ духомъ полнымъ торжества
Молитву слышала Россія,
И дщерь достойная отца
Гласитъ величіе Творца
Устами радости святыя:
Начните Богу моему,
Народы ближніе и дальны!
Начните пѣнія похвальны
И пойте съ плесками ему.

* * *

Настройте струны сердца громки,
Взыграйте, дщери и сыны!
Взыграйте, поздные потомки! —
И вы отъ ига спасены! —
Хвалой небесъ неухищренной
Восхитимъ слухъ небесныхъ чадъ,
И грянемъ ужасомъ во адъ.
Господь къ рабѣ своей смиренной
Призрѣлъ, негнѣвный до конца,
Призрѣлъ и сильные народы,
Какъ бурею гонимы воды,
Бѣгутъ отъ моего лица.

Призрѣлъ-и свѣтъ блеснулъ въ полнощи,
Онъ далъ мнѣ мужество на прю,
И даръ неодолимой мощи;
Далъ крѣпость моему Царю,
И Царь, незыблемый въ напасти
Живитъ меня и славитъ вновь:
При немъ, въ Отечество любовь,
Наперсница верховной власти,
Воззвала племена Славянъ
Служить Отечеству драгому,
И гласъ ея, подобно грому,
Протекъ моихъ обширность странъ.

* *
*

Протекъ-и воспалилъ геройствомъ
Орловъ готовыхъ для побѣдъ:
Текутъ подвижники съ устройствомъ
На подвигъ ужасовъ и бѣдъ,
Живыя стѣны и забрала
Боримой мнѣ отъ бурь войны!
И дѣти сельской тишины
На копья расковали рала,
Въ мечи расправили серпы,
Помчались въ битвы съ равнымъ жаромъ,
И всѣ слiянныхъ силъ ударомъ
Крушатъ разбойниковъ толпы.

Призрѣлъ-и возгремѣлъ Богъ славы,
Трепещущъ твердь и земный шаръ;
На сонмы звѣрски и лукавы,
Какъ вѣтромъ рѣемый пожаръ,
Который попаляетъ нивы,
Который пожигаетъ лѣсъ,
Низвергся гнѣвъ его съ небесъ
И губитъ строи нечестивы;
Разсѣдшись толщею своей,
Земля глотаетъ полныхъ злости;
При адѣ расточились кости,
Вскипѣли рѣки ихъ кровей.

* *
*

За злыми Россы устремленны
Несутся вихри быстротой,
И злыхъ фаланги раздробленны
Истерлись подъ моей пятой.
Но что! сыны мои избранны,
Смоленскій, Платовъ, Витгенштейнъ,
Уже спѣшатъ летѣть за Рейнъ,
Нанесть ехиднѣ въ сердце раны.
Я вижу: Галлія впадетъ
Во мстящи сильныхъ Россовъ руки,
Сама возчувствуетъ тѣ муки,
Которыми терзала свѣтъ.

Тебя, Господь превознесенный!
Возноситъ вся со мною тварь,
Твоею силою спасенный
Мой мирный веселится Царь,
И я благословляюсь миромъ;
Предшествуй предъ моимъ Царемъ,
Отъять отъ царствъ земныхъ яремъ,
Какъ древле предходилъ предъ Киромъ;
Разруши мѣдныя врата,
Разруши вереи желѣзны,
Да снидетъ въ бездну аггелъ бездны,
Прослави своего Христа.

Князь Сергій Шихматовъ.

РАЗСМОТРѢНІЕ ОВИДІЯ.

Я разсматривалъ поэмы въ *Опытѣ моемъ о славнѣйшихъ эпическихъ стихотворцахъ*, который занимаетъ 7ю, 10ю и 11ю книги *Корифея*. Но въ семъ Опытѣ говорилъ только о стихотворцахъ *первой степени*: Гомерѣ, Виргиліѣ, Камоэнсѣ, Тассѣ, Мильтонѣ. Поэты второй степени, кои написали также прекрасныя творенія въ семъ родѣ, не помѣстились въ сіе изданіе, ибо и 12я книга посвящена разбору *Клопштока* и *Волтера* (*). Такимъ образомъ, продолженіе сего анализа, заключающее въ себѣ: *Лукана* творца Фарсалы, *Стація* Ѳиванды, *Аполлонія* Аргонавтовъ, поэмы *Оссіана, Триссина, Гловера, Овидія, Лукреція, Горація, Попе, Юнга*, и другихъ героическихъ низшихъ пѣснопѣвцевъ— предоставилъ я для чтенія въ Бесѣдѣ, отъ которой при раздѣлѣ упражненій нашихъ, на-

(*) Сія книга за смертію г. Шнора, гдѣ печаталось все изданіе, пріостановилась; но будетъ непремѣнно издана. Примѣч. Сочин.

значено мнѣ было дѣлать извлеченія изъ общаго круга литтературы.— Слѣдуя сему плану, я буду прочитывать по временамъ сей анализъ различныхъ поэмъ.— И хотя матерія сія классическая, но она имѣетъ и свои пріятности, по разнообразію предметовъ и по достоинству стихотворства, сему роду свойственнаго.

На сей разъ я предлагаю *разборъ Овидія,* извѣстнаго Латинскаго стихотворца, который написалъ пріятнѣйшую миѳологическую поэму *превращенія.* Сначала упомяну о его жизни.

1.) *Овидій Назонъ* родился въ смутное время Римской республики, въ самый тотъ годъ, когда убитъ въ Сенатѣ Юлій Цесарь, за 44 года до Р. Х. Городъ Сулмона близь Неаполя, въ нынѣшней области Абруццо, былъ его колыбелью. Онъ происходилъ отъ знатнаго рода Римскихъ Кавалеровъ и на 16мъ году воспитывался въ Аѳинахъ. Здѣсь усовершилъ онъ себя въ знаніи Греческаго языка и понялъ всѣ его тонкости. Декламаціи учился у славнаго

Ритора Ареллія - Фуска; говорилъ нѣжно, пріятно, остроумно и всегда благородно. Отецъ по своимъ видамъ, назначалъ его къ гражданской службѣ, которая начиналась обыкновенно съ Ораторства или Адвокатства по дѣламъ. Овидій, изъ угожденія ему, всходилъ на каѳедру и защищалъ нѣкоторыя тяжбы не безъ успѣха; но всегда продолжалъ сочинять стихи, и когда отецъ строго запрещалъ ему симъ заниматься: то Овидій отвѣчалъ ему стихами, что болѣе не будетъ писать стиховъ. Онъ родился стихотворцемъ и самъ въ этомъ признается:

„*Et quid tentabam scribere, versus erat.*
„И что я ни писалъ, все я писалъ стихами."

По смерти родителя, Овидій свободно предался своей склонности. Онъ переѣхалъ въ Римъ; купилъ домъ близь Капитоліи, и скоро былъ окруженъ знаменитыми друзьями, извѣстнѣйшими любителями Латинской словесности. Къ нему приходили читать и размышлять въ библіотекѣ его нѣжный *Тибуллъ*, Эпическій поэтъ *Емилій-Мацеръ*, ученые мужи *Баттусъ* и *Пон-*

тикъ; Галлъ, знатокъ элегіи, и самъ *Горацій*, который всегда показывалъ ему стихи свои прежде, нежели выдавалъ ихъ въ свѣтъ; но вѣроятно изъ ласкательства къ Августу, Горацій ни одинъ разъ не упомянулъ имени Овидія въ своихъ одахъ. Съ Виргиліемъ не имѣлъ онъ знакомства, какъ самъ говоритъ: Virgilium vidi tantum— „а Виргилія я только видалъ"— Нравы и образъ мыслей раздѣляли ихъ; но уваженіе въ Римѣ къ Овидію было такъ велико, что Римскіе Кавалеры носили въ перстняхъ своихъ его изображеніе, вырѣзанное на дорогихъ камняхъ! Онъ былъ хорошо принятъ при Дворѣ, и Августъ отличалъ его. На 20 году Овидій былъ избранъ въ Тріумвиры,— чинъ необходимый для вступленія въ Сенатъ. Потомъ Императоръ произвелъ его въ Децемвиры—блюстители законовъ—почетное званіе, которое давало ему отличное мѣсто въ собраніяхъ народныхъ. Нечаянно одна шалость, которая не понравилась Августу, лишила его всѣхъ милостей сего хитраго Государя и была причиною его ссылки на 9 году по Р. Х. Многіе писатели догадываются, что

Овидій, какъ любимецъ прекраснаго пола и проповѣдникъ нѣжностей любовныхъ, заслужилъ благосклонность нескромной Юліи, внуки Августа; а другіе полагаютъ, что онъ имѣлъ участь Актеона, и нечаянно нашелъ Императрицу Ливію въ купальнѣ.— Настоящей причины заточенія его никто не знаетъ; и самъ Овидій старается скрыть ее, хотя и есть у него по мѣстамъ нѣкоторыя о семъ напоминанія. Онъ былъ сосланъ въ городъ Томесъ, нынѣшній *Томисваръ*, лежащій между устьевъ Дуная и Варны, при Черномъ морѣ. Овидій имѣлъ уже 50 лѣтъ, когда долженъ былъ оставить Римъ, любезную супругу и удалиться изъ Италіи въ дикіе предѣлы Скиѳіи. Въ семъ заточеніи прожилъ онъ 10 лѣтъ, и отъ скуки научился между Гетами и Сарматами, варварскому ихъ языку. Тутъ написалъ онъ извѣстныя жалобы его, Tristia – въ коихъ безпрестанно хвалилъ Августа, и умолялъ его о возвращеніи своемъ. Когда Августъ умеръ, то Овидій началъ утруждать о томъ же Тиберія; но сей тиранъ, еще менѣе внималъ его мольбамъ. Овидій умеръ въ ссылкѣ, не видалъ любезнаго оте-

чества. Онъ написалъ въ свою жизнь до $\frac{40}{m}$ стиховъ прекрасныхъ и оставилъ многія классическія творенія;— множество *посланій или любовныхъ героидъ,* двѣ поэмы: *искуство любить,* которое доставило ему славу Римскаго Пирона, и *лѣкарство отъ любви; поэму превращенія,* вѣнецъ его пера, въ XV книгахъ; *Фасты или Римскіе праздники,* изящнѣйшее твореніе, которое по отдѣлкѣ и учености, не уступаетъ *Георгикамъ*; первыя только VI книгъ, кои уцѣлѣли изъ XII, и посвящены Германику. V *книгъ жалобъ или сѣтованій его,*— IV *книги посланій изъ Понта,*— и нѣкоторые небольшіе отрывки, о подлинности коихъ вѣрнаго сказать не можно. Трагедія его *Медея* потеряна. Изъ сихъ твореній на Руской языкъ переведены: поэма превращенія г. *Майковымъ* въ стихахъ, г. *Соколовымъ* въ прозѣ; послѣдній переводъ напечатанъ съ подлинникомъ. *Печаль Овидія* г. *Срезневскимъ,* при Московскомъ Университетѣ, также съ подлинникомъ и въ стихахъ, прочія на Рускомъ неизвѣстны.

2.) Изъ всѣхъ сихъ твореній Овидія— мы имѣемъ въ предметѣ одно лучшее, гдѣ

заключается весь его даръ, одну поэму *превращенія*, Metamorphoseon. Героиды, Элегіи, искуство любить и письма изъ Понта не имѣютъ достоинства сей главной образцовой его піесы. Метаморфозы— произведеніе легкаго, игриваго ума, заключаютъ въ себѣ повѣствованіе о бывшихъ въ природѣ превращеніяхъ, начиная отъ сотворенія міра до нашихъ дней. Это остроумная аллегорія, украшенная всѣми цвѣтами поэзіи, которая показываетъ, что мы живемъ въ суетномъ мірѣ, гдѣ все перемѣняется, Omnia mutantur.— Она представлена въ картинахъ, для коихъ лица и дѣйствія взяты изъ древняго баснословія.

Поэма сія принадлежитъ къ числу учебныхъ классическихъ книгъ, какъ Цицеронъ или Корнелій Непотъ. Она извѣстна каждому любителю словесности, и не было бы нужды напоминать о содержаніи оной; но для показанія плана Овидіева и связи его превращеній, приводимъ извлеченіе изъ I-й книги.

3.) Стихотворецъ кратко изложивъ предметъ своего пѣснопѣнія, описываетъ со-

твореніе міра. Онъ первый изъ древнихъ поэтовъ пространнѣе изобразилъ сіе чудное произшествіе и сдѣлалъ прекрасную, противуположную картину Моисеевой. Никто изъ язычниковъ не написалъ сего великолѣпнаго вступленія:

Ante mare et terras, et quod tegit omnia, coelum,
Unus erat toto Naturae uultus in orbe.

Въ началѣ море, долъ и всеобъявше небо,
Имѣли въ естествѣ единый, мрачный видъ,
Зовомый Хаосомъ; смѣшенье— груба толща,
Скопленная въ одно недвижна тягота,
Гдѣ въ распрѣ сѣмена гнѣздилися твореній.
Еще златыхъ лучей не проливало *Солнце*;
Ни новыя *луны* не округлялся ликъ;
Ни круговодный шаръ на воздухѣ не плавалъ,
Уравновѣшенный своею тяготою.
Ни по краямъ земли не простиралъ еще
Шумящій Океанъ своихъ прозрачныхъ дланей:
Все— море и земля и воздухъ то же были.
Безъ твердости сей долъ, безъ плаванія волны.
Безъ свѣта воздухъ.— Тьма и смѣсь одна стихій:
Боролась съ вещью вещь. Въ одномъ сложенный тѣлѣ

Хладъ спорилъ съ теплотою, а съ сушей мокрота;
И мягкость съ жесткостью и легкость съ тягостою.

Не можно довольно выразить пріятности и согласія въ стихахъ подлинника, сколько бы ни близко были переведены иные стихи, послѣдній на примѣръ:

Molis cum duris, sine pondere habentia pondus.

Овидія, какъ и *Расина*,— надобно читать въ подлинникѣ. Переводы всегда ихъ ослабляютъ; такъ живы и нѣжны *краски* (colorit) ихъ стихотворенія! — Не льзя передать въ другой языкъ ихъ тонкости и мелодіи.

Овидій продолжаетъ о сотвореніи міра: „Наконецъ является тучная земля. Океанъ опоясуетъ ея ребра. Долины углубляются— равнины стелются — холмы возстаютъ, лѣса одѣваются древами. Небо раздѣляется на пять различныхъ полосъ, и земля на пять предѣловъ неравныхъ погодами. Въ пространствѣ воздуха летаютъ вѣтры;—

Моря наполняются рыбами, блестящими чешуею,— земля различными животными,— воздухъ пернатыми;— не доставало благороднѣйшей, разумной твари: Natus homo est, родился человѣкъ!— Вѣроятно мягкая и новая земля оставила въ себѣ сѣмена неба для произведенія его, или сынъ Япета, смѣшавъ персть съ текущею водою, слѣпилъ образъ смертнаго по подобію боговъ, и между тѣмъ какъ прочія животныя ходятъ съ поникшею главою, онъ далъ возвышенное чело мужу, повелѣлъ ему ходить прямо и возводить свѣтлыя очи свои къ небу. Послѣ сего произошли различные вѣки на землѣ— сперва златый вѣкъ, потомъ серебреный, мѣдный и наконецъ желѣзный. Беззаконія людей умножались болѣе и болѣе. Первые Гиганты дерзнули возстать на міродержца; они возвергли горы на горы и хотѣли завладѣть небомъ; но Юпитеръ поразилъ ихъ змѣистыми молніями— и разгромилъ сей ужасный столпъ. Изъ крови Гигантовъ произошло племя людей безбожныхъ и жестокихъ, кои снова наполнили землю преступленіями. Тогда Юпитеръ созвалъ боговъ на совѣтъ и произнесъ имъ

жалобы на смертныхъ, а особливо на Царя Ликаона. — Сей Царь, во время путешествія Юпитера въ видѣ простаго человѣка по землѣ, желая узнать точноли онъ богъ, предложилъ ужасную пищу— свареные въ котлѣ члены своего плѣнника!

Боги совѣтовали Юпитеру за сію жестокость, примѣрно наказать Ликаона— и онъ превратилъ его въ хищнаго волка.— Вотъ первая картина сего рода! Въ негодованіи своемъ отецъ боговъ, хочетъ наказать преслушную землю всемірнымъ потопомъ. Онъ призываетъ Нептуна; Нептунъ скликаетъ *рѣки*, и велитъ имъ открыть всѣ свои источники.— Ліется обильная вода: земля тонетъ: все становится моремъ, omnia pontus erant. Въ семъ бѣдствіи одинъ взбирается на гору, другой плаваетъ въ лодкѣ по собственной нивѣ (примѣтная игра воображенія Овидіева), Дельфины лежатъ на вершинахъ горъ, гдѣ прежде паслися козы— тюлени прогуливаются въ рощахъ— и что всего поразительнѣе— нещастной, голодной волкъ плаваетъ между овцами!— Изъ всѣхъ утопшихъ, спаса-

ются мужъ и жена: Девкаліонъ и Пирра. Легкая ладія ихъ остановилась на высотахъ Парнасса.—Богиня Ѳемида, которую вопросили они объ участи своей, повелѣла имъ, развязать опоясанія свои и бросить чрезъ голову кости своей прамате-ри. Супруги удивились сему прореченію; но истолковавъ смыслъ онаго, бросили камни, сіи кости общей матери земли, и вдругъ выросли изъ нихъ новые люди! — Вотъ 2 е превращеніе! Между тѣмъ солнце, согрѣвая илистую землю, произвело животныхъ; ибо *теплота* и *влага*, суть двѣ первородныя причины рожденія. Въ числѣ сихъ тварей родился и Пифонъ, ужасный змій содѣлавшійся пагубою людей. Пастырь Аполлонъ, убилъ его изъ лука и учредилъ Пиѳійскія игры. — Онъ влюбился въ дочь Ѳессалійской рѣки Пенея, прекрасную Дафну. Но сія Нимфа убѣгала отъ его нѣжности. Аполлонъ хотѣлъ ее поймать; устремился за нею, достигъ,— но едва коснулся къ ея одеждѣ, вдругъ рѣзвая Дафна превратилась въ лавровое дерево!—Новое превращеніе: съ другой стороны отецъ боговъ, ускользнувъ отъ глазъ ревнивыя Юноны,

плѣнился дочерью рѣки Инаха прекрасною Іоною. Супруга молніеносца, примѣтя, что земля среди яснаго дня покрылась черными облаками, и что супругъ ея скрылся съ небесъ, низпустилась съ высокаго эфира, и облакамъ изчезнуть повелѣла; но хитрый мужъ успѣлъ уже преобразить Инахову дочь въ бѣлую прекрасную телку. Bos quoque formosa est.— Опять превращеніе! Юнона притворно хвалитъ ея красоту, и проситъ, чтобъ супругъ подарилъ ей сію телку; но получивъ желаемое, все еще боится быть обманутою, и отдаетъ соперницу подъ надзоръ пастуху Аргусу, у коего было сто глазъ, и два только спали попеременно. Юпитеръ, видя томленіе превращенной Іоны, повелѣваетъ Меркурію летѣть къ ней на помощь и предать смерти жестокаго стража. Услужливый посолъ надѣваетъ крылатую шляпу, летитъ и усыпляетъ Аргуса игрою на свирѣли. Но какая это чудная свирѣль?— Это прелестная Наяда, которая жила нѣкогда въ Аркадіи, по имени Сиринга. Панъ, влюбленный въ нее, однажды хотѣлъ насильно обнять Нимфу. Она разсердилась, и вдругъ

спала тонкимъ тростникомъ, издающимъ унылый шумъ и до сего времени. — Богъ полей, желая разговаривать и съ мертвою, но милою ему Нимфою, срѣзалъ нѣсколько тростинокъ, и слѣпивъ ихъ вмѣстѣ воскомъ сдѣлалъ свирѣлку, которую назвалъ по ея имени Сирингою. Вотъ новое превращеніе! — Аргусъ слушая сію сказку, заснулъ. Посланникъ Юпитера ударилъ его въ выю серповиднымъ мечемъ, и обагрилъ холмъ, на коемъ они лежали, кровію.—Юнона взяла къ себѣ его умирающіе очи и украсила ими голубыя перья павлина, коими и до сего времени онъ тщеславится. Новое превращеніе!— Между тѣмъ гонимая Іона прибѣгаетъ на брега Нила. Юпитеръ смягчаетъ гнѣвъ своей супруги, и оба соглашаются, чтобъ она восприяла прежній образъ. Вдругъ являнтся таже самая прелестная Нимфа, и отъ телицы ничего не остается у нее, кромѣ бѣлизны. Прекрасный остатокъ!— Египетъ принялъ ее за богиню, и обожалъ подъ именемъ Изиды. Отъ нея родился сынъ Епафій. — Однажды онъ укорилъ Фаетона, сына Солнцева, что онъ не отъ Солнца родился. Юноша оскорбил-

ся;— мать покрылася румянцемъ, и воздѣвъ руки къ Солнцу, клялась, что Фаетонъ не имѣлъ другаго родителя; но естьли сомнѣвается въ томъ, то да увѣрится лично и пойдетъ самъ къ своему отцу, потому что домъ, откуда онъ исходитъ, смеженъ съ ихъ землею".— Сіе было поводомъ къ путешествію Фаетона въ чертоги Солнца, къ прекрасному описанію его жилища и паденію сего юноши.— Но сія басня переходитъ уже во 2 книгу.

4.) Таковъ ходъ Овидіевыхъ превращеній, искуство его въ сплетеніи басней, легкость воображенія и быстрота въ переходахъ отъ одного приключенія къ другому! Изъ сего начертанія первой книги видно уже, что будетъ въ послѣдующихъ. Цѣлая галлерея любовныхъ приключеній богинь, боговъ и Нимфъ представляется глазамъ. Овидій повѣствуетъ далѣе о превращеніи Цигна въ лебедя,— Аглавры въ истуканъ— Актеона въ оленя,— Нарцисса въ цвѣтокъ— Арахны въ паука,— Филомелы въ соловья— Библисы въ источникъ,— Ифиды въ мальчика,— Галціоны въ птицу — Скиллы въ утесъ,— Вертумна въ старуху, и о мно-

жествѣ другихъ столько же забавныхъ, сколько остроумныхъ аллегорій. Между сими превращеніями поперемѣнно встрѣчаются романическія повѣсти,— лучшія украшенія Греческой Миѳологіи, и служатъ для нихъ цвѣточными цѣпями, связывающими всѣ дѣйствія. Таковы прекрасныя повѣсти его: похищеніе Европы,— любовь Пирама и Тисбы, Марса и Венеры,— освобожденіе Андромеды,— похищеніе Прозерпины, воспѣтое Музами,— путешествіе Язона въ Колхиду, похищеніе златаго руна и мщеніе Медеи,— любовь Авроры и Цефала,— увезеніе Аріадны,— Смерть Геркулеса,— снизшествіе Орфея во адъ для изведенія супруги его Евридики,— Оживленіе статуи Пигмаліона,— любовь Венеры и Адониса,— повѣсть о Трои,— описаніе чертоговъ Морфея—ссора Лапиѳовъ съ Центаврами,— смерть Ахиллеса,—споръ Аякса съ Уллисcомъ,— отшествіе Энея изъ Трои съ своими Пенатами,— бракъ его съ Лавиніею,— война съ Турномъ,— повѣсть Вертумна и Помоны,—Забавная сказочка, которую для примѣра помѣстилъ я въ концѣ сего разсужденія,—смерть Юлія Цесаря,— и прочія

занимательныя эпизоды. Вотъ содержаніе цѣлой поэмы превращеній! — Всякой легко судить можетъ, что при такомъ разнообразіи дѣйствій и лицъ, надобно было имѣть удивительное воображеніе, чрезвычайную легкость въ повѣствованіи и великую игру ума, чтобъ представить цѣлой лабиринтъ картинъ важныхъ и забавныхъ, жестокихъ и любовныхъ, печальныхъ и смѣшныхъ, повѣствовательныхъ, живописныхъ, роскошныхъ, нѣжныхъ, пастушескихъ, сельскихъ и проч. Овидій въ семъ твореніи показываетъ единственное дарованіе. Онъ шутитъ надъ своимъ предметомъ, и, будто забавляясь, сплетаетъ цвѣточныя вязи; сидитъ за волшебнымъ нѣкоимъ ставомъ, съ раскинутымъ предъ глазами широкимъ рисункомъ, и вытыкаетъ пестрые узоры, то тѣмъ, то другимъ шелкомъ — для составленія великолѣпной парчи; — повторяю, что надобно было имѣть отлично гибкой умъ, быстрое, летучее воображеніе и чрезвычайную легкость въ стихосложеніи — чтобъ написать 15 книгъ, подобныхъ сей первой, безпрестанно занимательныхъ, — по своему разнообразію, вымыслу, отдѣлкѣ,

вкусу и спихотворному, плѣняющему повѣствованію.

Ученые спорятъ между собою, какое дать имя сему творенію Овидія?— Можно ли назвать *превращенія* поэмою-- то есть, твореніемъ, основаннымъ на извѣстныхъ и непремѣнныхъ правилахъ. Одни говорятъ, что превращенія Овидія, не *героическая* и не *дидактическая* поэма; но какая - то *энциклическая*,-- поема описательнаго рода, poeme descriptive. Другіе говорятъ, что она есть *мифологическая компиляція*, собраніе басенъ, перепутанныхъ между собою безъ всякой связи и плана.— Не должно такъ судить о твореніяхъ превосходныхъ, когда они не подходятъ подъ правила. *Превращенія* Овидія занимаютъ среднее мѣсто, между героическою и дидактическою поэмою и сами по себѣ составляютъ особенную поэму, то есть единственную, образцовую, конечно не на правилахъ героической основанную, но *граціозную* прелестную поэму (*). Въ ней находится

(*) Я разумѣю здѣсь граціозную въ смыслѣ классическомъ; т. е. поэму, принадлежащую къ особому граціозному роду, забавному, романическому, которой

скрытый планъ или лучше сказать сцѣпленіе весьма искусно связанныхъ, забавныхъ приключеній; безпрерывная и всегда новая *чудесность*, неподражаемое стихотворство; слогъ переливающійся изъ нѣжнаго тона къ игривому, изъ высокаго къ чувствительному, изъ живописнаго и прелестнаго къ страшному и мрачному; изъ печальнаго къ веселому. Въ ней находится безпредѣльный источникъ *изобрѣтенія*, разительныя *черты характера*; глубокое *знаніе природы*; *обширность*, приличная поэмѣ; *высокой вымыслъ*, прекрасное расположеніе въ чувствахъ и картинахъ: однимъ словомъ— въ превращеніяхъ Овидія находится все то, что можетъ поражать, удивлять, воспламенять наше воображеніе. По симъ совершенствамъ, не взирая на ученыя *дифиниціи*, можно назвать

совсѣмъ непохожъ на героическій и вовсе дидактическій, но въ которомъ любовь, шутка, острота, прелесть картинъ, и нѣжность выраженій составляютъ главное основаніе. Слово сіе принадлежитъ болѣе живописи, но здѣсь оно выражаетъ классъ, къ коему должно отнести П. превращенія. Прим. сочинит.

сію поэму чрезвычайнымъ и до сего времени единственнымъ произведеніемъ піитическаго ума.

Красоты въ немъ безчисленны, какъ и недостатки въ цѣломъ Овидіи. Мы припомнимъ здѣсь важнѣйшія. Вступленіе и описаніе сотворенія міра почитается мастерскимъ, повѣсть о паденіи Фаетона прекрасна и украшена богатыми описаніями. Превращеніе Дафны и вообще всѣ превращенія весьма живописны. Кончина Пирама и Тисбы весьма трагическа и подала поводъ къ великолѣпному балету. Любовь Библисы, смерть Адониса и проч: весьма нѣжны и трогательны. Превращеніе Ифиды изъ дѣвочки въ мальчика весьма забавно. Повѣсть Вертумна, бога садовъ, влюбленнаго въ Помону, обработана съ великимъ вкусомъ, разсказана и докончена удивительно. Воспоминанія о дѣлахъ Троянскихъ, о Кадмѣ, объ Улиссовыхъ спутникахъ, объ Ифигеніи— часть Римской исторіи, приведенной въ разныхъ мѣстахъ и наконецъ превосходное изложеніе Пиѳагорова ученія въ XV книгѣ, составляютъ

великолѣпные вводные отрывки.— Всѣ сіи похожденія, сами по себѣ любопытныя и разсказанныя прелестнымъ, стихотворнымъ языкомъ, служили богатымъ сокровищемъ для художествъ и словесности, для оперы, для живописи, для ваянія. Мы вездѣ встрѣчаемъ игриваго Овидія въ галлереяхъ нашихъ и на плафонахъ, на фарфорѣ, на разныхъ камняхъ, на бронзахъ. Онъ сдѣлался всеобщимъ отъ сего всеобщаго предмета: онъ вездѣ разсыпалъ полною рукою цвѣты Миѳологіи.— По сему-то одинъ Фр. Поэтъ весьма справедливо сказалъ:

On aimera toujours les erreurs de la Gréce,
Toujours, Ovide charmera.
Si nos peuples nouveaux sont Chretiens à la messe,
Ils sont Payens à l' Opéra.

5.) Вотъ какимъ образомъ описываетъ Овидій превращеніе Дафны (*)!— „Апол-

(*) Я не хотѣлъ для публичнаго чтенія переводить Овидія буквально; поелику для слушателей не столько нужна была классическая вѣрность, сколько пріятность повѣствованія — и потому осмѣ-

лонъ въ первые почувствовалъ страсть къ прелестной Дафнѣ, дочери Пенея. Сей пламень зажегъ въ душѣ его мстительной купидонъ. Однажды Фебъ, увидя, что онъ силится натянуть звонкую тетиву лука его, сказалъ съ насмѣшкою: „Дитя! за чемъ ты „ручонками своими напрягаешь упругій „лукъ-?— Оставь побѣдителю змія Пиѳо„на, нагибать упругой лукъ сей и носить „за плечами стучащія стрѣлы. Ты, младе„нецъ? играй сверкающимъ факеломъ сво„имъ, и роняй незнаемыя мнѣ искры въ ду„шу слабыхъ смертныхъ, не касаясь къ мо„ему оружію?

Озлобленный Амуръ отвѣчалъ ему:" Аполлонъ! не забудь, что ты можешь поражать всѣхъ смертныхъ твоими стрѣлами, а я и

лился переводить въ родѣ перифраза, чтобъ выяснить болѣе прелесть и простоту слога Овидіева. — Признаюсь, что я щитаю свободу сію дозволенною только въ семъ случаѣ; и если отрывокъ сей составитъ нѣкогда продолженіе опыта моего объ Эпопеи, то конечно будетъ представленъ для читателей, судей обыкновенно болѣе строгихъ, нежели слушатели — въ такомъ же видѣ какъ и приступъ. Прим. Соч.

самаго тебя".— Сказалъ, и полетѣлъ въ благовонныя рощи Парнасса. Тамъ, возсѣвъ на холмѣ, вынялъ онъ изъ колчана двѣ стрѣлы: золотую, которая воспламеняетъ любовь, и свинцовую, которая ей противится.— Сими разными стрѣлами поражаетъ онъ въ одно время сердца Аполлона и Дафны.— Мгновенно Фебъ воспламеняется, Нимфа ощущаетъ необыкновенный холодъ; онъ горитъ, онъ любитъ; Дафна и слышать не хочетъ о любви. Подобная Діанѣ красотою и невинностію, Нимфа сія скрывается въ лѣсахъ, ставитъ тонкія сѣти на прядающихъ ланей, одѣвается мягкими мѣхами звѣрей и прекрасные власы свои подвязавъ простою лентою, не радитъ о другихъ украшеніяхъ.„

„Прелестная Нимфа! сколько воздыхателей тайно кланяются отцу твоему: никого не удостоиваешь взоромъ! недовѣрчивая къ мужчинамъ, совсѣмъ тебѣ незнакомымъ, ты обитаешь подъ тѣнію родительскихъ лѣсовъ и не думаешь о пріятностяхъ брака. Неоднократно и отецъ твой, объемля тебя съ нѣжностію, уговаривалъ тебя о продолженіи его племени. Прекрасныя ла-

ниты твои покрывались румянцемъ, и стыдливая Дафна бросивъ бѣлыя руки свои на выю старца, умоляла не подвергать ся узамъ Гименея. Она хотѣла остаться какъ и Діана вѣчно дѣвою. Но, твои прелести, Дафна, противились сему желанію! — Горячность Аполлона день отъ дня возрастала, уже хотѣлъ онъ предложить ей свою руку, надѣялся, но Дафна удалялась отъ страстнаго бога, какъ легкій Зефиръ. Аполлонъ прибѣгаетъ къ прозьбамъ, къ жалобамъ, но и сіи Нимфа едва слушаетъ только въ половину. Жестокая, но прелестная дочь Пенеева! почто убѣгаешь меня? стремишься какъ отъ злодѣя!— Остановись любезная Дафна, я не грубый пастухъ, живущій вѣчно на холмахъ и пасущій стада руноносныя.— Я болѣе достоинъ твоихъ прелестей. Я сынъ великаго Юпитера, и обладатель многихъ народовъ Клароса, Тенедоса, Дельфовъ великолѣпныхъ,— но что изчислять мои владѣнія? Смертные получили отъ меня большія благодѣянія: я прорекаю имъ будущее; научаю созвучать стихамъ звонкими струнами и мѣтко стрѣляю изъ сребрянаго лука. Я

открылъ смертнымъ науку цѣленія и научилъ ихъ распознавать свойства зелій; но увы! самъ себя изцѣлить не могу! неподвластная любовь силою травъ и лѣченія не можетъ уврачеваться. Искуство для всѣхъ полезное неполезно одному изобрѣтателю. Сжалься, прекрасная Дафна! — престань удалятся. Ты бѣжишь по жесткой и каменистой стезѣ; брегися упасть! Сіи колючіе терны могутъ уязвить нѣжное тѣло твое. Остановись прелестная Нимфа! по крайней мѣрѣ не бѣги такъ поспѣшно; — и я не стану такъ упорно тебя преслѣдовать!,,

Тщетно; Дафна не внемлетъ, и на устахъ его оставляетъ улетающія слова. — До того времени казалась прелестною; но, въ бѣгствѣ своемъ, стала еще прекраснѣе. Вѣтры встрѣчнымъ дыханіемъ своимъ возвѣяли изгибы легкаго хитона и обнажили ея бѣлоснѣжныя ноги. Волосы распустились, и играя съ Зефиромъ умножали ся прелести.

Юный богъ не теряетъ болѣе времени въ тщетныхъ моленіяхъ. Упоенный желаніями,

онъ стремится быстрою стопою за бѣгущею Нимфою. Такъ бѣлогрудный соколъ (*) увидя издалека въ синей равнинѣ воздуха спускающуюся въ лѣсъ голубицу, бросается на нее стрѣлою, почти хватаетъ ее когтями, перья сыплятся долу,— но голубица еще увивается, еще улетаетъ,— и гонитель и гонимая,— дѣлаютъ великія излучины, то сталкиваясь другъ съ другомъ,-- то расскаясь въ разныя стороны.— Подобно сему стремительный Аполлонъ гнался за Дафною: ему придавала быстроту надежда, ей страхъ. Неутомимый богъ летитъ за ней, какъ на крылахъ.

Покою не дая
Дыханьемъ устъ своихъ палитъ власы ея.
Она утомлена, блѣдна, безъ силъ, безъ мочи,
Побѣждена почти, возведъ къ Пенею очи,,
,,Родитель!— вопіетъ— спаси меня, спаси:
,,Коль подлинно ты богъ, въ струи меня внеси:
,,Иль землю черную разверши подъ пятою
,,Избавь отъ юноши стремящагось за мною.

Вотъ и самое превращеніе, для коего нужно было привести предыдущую повѣсть.

(*) Въ подлинникѣ: такъ Галльскій песъ, гоняющій зайца и проч. мнѣ показалось это сравненіе приличнѣйшимъ.

Рекла-и се уже становится не та!
Сомкнулися ея румяныя уста:
Въ древесный пень сплелись бѣло-лилейны члены,
И руки и власы пустили листъ зеленый.
Покрылась грудь ея шаршавою корой,
И кожа нѣжная въ ней скрыла образъ свой.
И ноги скорыя, что ланей догоняли,
Къ землѣ ужъ приросли,—власисты корни стали.
Глава кудрявую вершину вознесла,
И Дафна, лавромъ ставъ, и въ деревѣ мила (*).

Сіи стихи пріятно бы прочитать предъ Группою Аполлона и Дафны, которая стоитъ у насъ въ Таврическомъ дворцѣ.—Она великолѣпна—и тутъ-то на яву видны мысли Овидія! Какое удивленіе въ Аполлонѣ! Какія бѣгущія въ верхъ руки, кои мгновенно стали вѣтвями! — никогда скульпторъ, не былъ лучше сего одушевленъ стихотворцемъ!— Овидій изображаетъ намъ въ сей остроумной аллегоріи молодую супругу, которая въ объятіяхъ семейства произвела на свѣтъ многія, прекрасныя вѣтви.

6.) Три великіе Латинскіе поэта, коими живетъ еще слава Рима и Тибрскихъ Музъ, Виргилій, Овидій и Горацій, жили въ одно

(*) Нѣкоторые стихи взяты здѣсь изъ пер. Майкова, другіе подправлены мною.

время. Всѣ были друзья Императора, соревнователи по занятію своему, и собесѣдники по знакомству. Они имѣли свои партіи, но уважали другъ друга безпредѣльно. Горацій и Овидій были весьма близки между собою по свойствамъ душевнымъ, склонности къ забавамъ и свѣтскости своей; но родъ сочиненія ихъ былъ различенъ. Виргилій владычествовалъ надъ Эпопеею; но Овидій не подражалъ ему, и хотя въ томъ же почти родѣ, но писалъ совсѣмъ инако. Ни въ чемъ нѣтъ между ими сходства, кромѣ вкуса и красоты, обоимъ сродной. У Виргилія стихи медленны, важны, обдуманы и со всѣхъ сторонъ осмотрѣны; у Овидія легки, плавны, небрежны, необдѣланы, но всегда пріятны. Виргилій паритъ, подобно орлу, когда онъ распустя оба крыла плыветъ подъ небесами. Овидій порхаетъ какъ птица (я разумѣю въ п. превр.) — и нестолько занимаетъ полетомъ, сколько частымъ перепархиваніемъ своимъ. Виргилій вездѣ любитъ величавость; не расточаетъ описаній; избѣгаетъ придуманной остроты; ласкаетъ слуху, но еще болѣе занимаетъ душу. Овидій, не вездѣ старается тронут·

сердце, но безпрестанно хочетъ нравиться, писать что нибудь занимательное, остроумное, нѣжное, граціозное. Виргилій заставляетъ думать и наслаждаться долговременно; прочитавъ его, захочется отдохнуть и насладиться впечатлѣніями его поэзіи; Овидій увлекаетъ за собою на крылахъ Зефира и не даетъ мыслямъ остановиться. Мы летимъ за его воображеніемъ; собираемъ сыплющуюся росу амброзіи, которая таетъ въ ту же минуту, когда падаетъ; спѣшимъ прочесть до конца, и когда кончили Овидія, опять хочемъ читать его снова и опять читаемъ его съ новымъ удовольствіемъ. Въ семъ состоитъ отличіе его отъ прочихъ стихотворцевъ, и въ семъ истинное волшебство его поэзіи. Онъ имѣетъ удивительный даръ разсказывать такъ свободно и быстро, какъ будто бы предстоялъ предъ нами — то есть, не готовясь и не обдумывая; но такъ — что при всемъ размышленіи и приготовленіяхъ, не можно сказать ничего лучше. Сія способность говорить по стихотворчески, превозмогаетъ всѣ слабости Римскаго Аріоста. Онъ пріятностію расказа своего *оба-*

вает слушателя. Въ семъ упоенiи онъ прощаетъ ему нескромность—порокъ одинакой у Овидiя съ Горацiемъ,—мѣлочи и пустыя остроты и погруженный въ непрестанное сладкозвучiе, видитъ однѣ цвѣточныя цѣпи, и пропускаетъ терны. Недостатки Овидiя изчезаютъ въ глазахъ; красоты кидаются безпрестанно. Со стороны нравственности не льзя ничего сказать хорошаго въ пользу Овидiя: всѣ сiи стихотворы, современники его, Горацiй, Тибуллъ, Проперцiй, Катуллъ и другiе накидывали весьма тонкое покрывало на обнаженныхъ Грацiй, и потому нескромность ихъ выказывается повсюду. Впрочемъ, какъ сказалъ Горацiй, *смѣшно бы было искать въ лѣсу дельфиновъ, а въ водѣ оленей*, такъ неправильно бы было искать Катоновой строгости въ писанiяхъ забавнаго стихотворца. Описывая шалости Нимфъ и басни Мифологiи, маня къ себѣ то Галатею, то Амура, не льзя глядѣть съ насупленнымъ челомъ Сенеки и безпрестанно твердить о благонравiи. Всему есть свое мѣсто. Избравъ шуточный, веселый родъ стихотворенiй,— Овидiй писалъ однѣ ро-

маническія приключенія; училъ искуству любить и не любить, и завлекая вниманіе читателя музыкальною, плѣняющею поэзіею, поработилъ всѣ прочія мнѣнія его сему верховному очарованію.

Овидій былъ настоящій придворный стихотворецъ. Онъ выражался съ такою разборчивостію, вкусомъ и нѣжностію, какъ будто бы говорилъ за столомъ у Августа. Ничего низкаго или подлаго не найдете вы въ его слогѣ, (по кр. м. въ п. превращенія); все сказано съ выборомь, съ благородствомъ, съ нѣкоторымъ тонкимъ осязаніемъ (tact), которое доказываетъ Аѳинскую образованность и воспитаніе. — Въ немъ нѣтъ ни грубости *Плавтія*, ни вялости *Италика*, ни пустословія *Клавдіяна*, ни жестокости *Лукреція*, ни надутости *Лукана*. Овидій говоритъ всегда изящно и всегда то, что должно; у него нѣтъ ничего лишняго. Онъ не бросается въ сторону; поспѣшаетъ къ концу своего расказа, и даже иногда слишкомъ просто, слишкомъ кратко описываетъ, на пр. начиная повѣсть, говоритъ: "*было лѣто*,"—"*былъ тогда полдень*," — или:

Ты знаешь ли, пастухъ, Аркадски снѣжны горы?
Тутъ нѣкогда жила славнѣйшая Наяда
Во всей Нонакріи. Ее Сирингой звали.

Что можно сказать проще сего въ прозѣ?— Между тѣмъ— это начало прекрасной сказочки *о волшебной свирѣлкѣ,* которая усыпила Аргуса.— Сія простота, развязанность, легкость въ расказѣ и стихосложеніи, удивила современниковъ и поострила многихъ подражать Овидію. Но легко сказать подражать! Они скоро увидѣли, что у нихъ *чего-то Овидіева* не доставало: что они схватывали одни недостатки его и не достигали до красотъ!— Овидій сдѣлалъ *эпоху* въ Римской словесности. Онъ далъ другой *тонъ* Латинской поэзіи. Подражатели, *servum pecus*, рабское стадо, какъ сказалъ Горацій, испортили сей родъ легкаго, непринужденнаго слога; и сдѣлали изъ него тотъ испорченной, мѣлочной, кудреватой, пестрой слогъ,- въ которомъ отличался потóмъ Сенека, Клавдіянъ и послѣдователи ихъ. Виргилій сильно противоборствовалъ сему новому вкусу.— Но всѣ вѣки имѣли свои слабости; и въ то время, когда гремѣлъ *Мильтонъ* эпическою тру-

бою въ Англіи, Дворъ и вся нація читали съ большимъ удовольствіемъ пѣсенки *Ковлея*, нежели *Потерянный рай*. По сему—то многіе кричали противъ Овидія, что онъ повредилъ доброй вкусъ Римлянъ; ввелъ на мѣсто важныхъ и обдуманныхъ стиховъ, легкіе, игривые, шуточные; наполнилъ языкъ ложными остротами, извитіями, пустымъ наборомъ звучныхъ словъ, (назыв. у Фр. *бомбастомъ*), и прочими мѣлочами, которыя съ перваго взляда, хотя и кидаются въ глаза какъ блестки, но по разсмотрѣніи кажутся пылью. Упреки сіи отъ части справедливы. Овидій выказывалъ вездѣ свой умъ, какъ и Волтеръ, и не умѣлъ трогать сердца.

7.) Въ *превращеніяхъ* его, какъ и въ другихъ поэмахъ, замѣчаются наиболѣе слѣдующіе недостатки: 1, *однообразіе картинъ*; вездѣ превращенія одинаковы, вездѣ руки покрываются шерстью, чтобъ сдѣлаться ногами, голова суживается въ рыло, за спиною выростаютъ крылья, ноги завиваются въ хвостъ, и т. д. 2, *Излишество мѣстныхъ описаній*, ученыхъ словъ, астрономическихъ, ботаническихъ, и проч.

Къ чему на пр. такое безполезное перечисленіе созвѣздій, вѣтровъ, съ разныхъ сторонъ дующихъ, странъ свѣта, областей, горъ и рыбъ?— Множество стиховъ наполнено одними названіями сими; развѣ для того, что они Греческія и пріятны слуху?— Напр. когда Фаетонъ, не могши управить колесницею солнца, зажегъ землю, тогда Овидій забавляется перещитывая какія загорѣлись горы!

Ardet Athos Taurusque Cilix, et Tmolus et Oete
Parnassusque biceps, et Erix et Cyntus et Othrys
Et tandem nivibus Rhodope caritura, Mimasque
Dindymaque et Mycale, natusque ad sacra Cithaeron, и под. сему.

Такія же мѣлочныя подробности и далѣе. Когда сей дерзкій юноша летитъ на огненной четвернѣ отца своего: то не льзя, чтобъ онъ не зацѣпилъ *большой и малой Медвѣдицы, Дракона, Олтаря, клешней Рака и Скорпіона.*— Когда Орфей, поселившійся на пустынной вершинѣ Гемоса, нынѣ Балканскихъ горъ за Дунаемъ, за-

хотѣлъ развесть небольшой садъ, гдѣ бы можно ему было укрыться отъ зною, и сидя подъ тѣнью деревъ, услаждать лютнею своею медвѣдей: то вдругъ подвигаются къ нему дерева со всего свѣта—tiliae moles, fagus, et innuba laurus, baccis, coerula fica — и липы и буки и фиги — и надобно было употребить для сего изчисленія цѣлую страницу, какъ будто желалъ онъ помѣстить здѣсь весь Августовъ садъ. 3 й, *повтореніе мыслей*. Овидій говоритъ одно и тоже другими словами нѣсколько разъ, и такимъ однообразіемъ утомляетъ читателя и переводчика. Въ семъ недостаткѣ укоряли творца превращеній и въ его время, въ чемъ онъ и самъ признается (въ послан. изъ Понта. кн. III. пис. 9.) говоря, что онъ чувствовалъ оный, но не имѣлъ силы, ни терпѣнія поправлять себя. Сему и повѣрить можно читая стихи его, которые дѣйствительно ничего ему не стоили. Впрочемъ къ п. *превращенія*, онъ не приложилъ послѣдней руки, и поэма сія осталась несовсѣмъ просмотрѣнною сочинителемъ, какъ онъ самъ утверждаетъ:

Ablatum mediis opus est incudibus illud
Defuit et scriptis ultima lima meis;

Но сіи недостатки мало видны при красотахъ Овидія. Вотъ что, по мнѣнію моему, больше вредитъ силѣ его стихотворства! 4.) *Овидїй не имѣетъ истиннаго патетизма*, или знанія приводить душу въ умиленіе, трогать, воспламенять. Въ немъ не достаетъ чувствительнаго, любовнаго языка, коимъ изъясняются истинныя страсти, языка, которымъ говоритъ на примѣръ: отчаянная Дидона, которымъ говоритъ Аріадна или Лезбія. Вообще древніе должны намъ уступить въ изображеніи любви. По ихъ нравамъ, чувство сіе было совсѣмъ иное, нежели у насъ; одна пылкость, минутный восторгъ, желаніе: они не знали оттѣнковъ сей страсти, ея перемѣнъ, продолженія и тонкостей. Однимъ словомъ у нихъ не было того, что называется *Романизмомъ*, и любовный языкъ всѣхъ поэтовъ Латинскихъ не стоитъ одного *письма къ Юлїи*. (*) Отъ сего ли общаго недостатка, или собственно отъ

(*) Г. Руссо— O Mourons, ma douce Amie, etc.

расположенія духа Овидія, все у него кажется шуткою, и самая любовь. Амуръ его сидитъ на *Энциклической его поэмѣ*, какъ на глобусѣ и вмѣсто того, чтобы поражать красавицъ, играетъ стрѣлочками. Граціи его улыбаются, начинаютъ рѣзвиться. Венера развязываетъ свой поясъ, голуби цѣлуются, благоухаетъ фиміамъ, падаетъ съ раменъ Нимфы флеровой хитонъ, это минута восторга? — — Нѣтъ; это мигъ одинъ, это одна мечта! Все проходитъ внезапно и вмѣсто жара, которымъ готовъ я былъ пылать, покрываетъ меня холодный иней! Чтобы это значило? — — это доказываетъ, что Овидій не умѣлъ трогать души. Вотъ ощутительный примѣръ! — Орфей низходитъ во адъ: Орфей, который такъ плѣнительно играетъ на лирѣ, такъ воспѣваетъ стихи, что горы, дерева и звѣри пляшутъ отъ его мелодіи, — сей Орфей лишась любезной супруги, низходитъ въ царство тѣней, чтобы пѣснями своими смягчить неумолимаго Плутона. — Задача чрезвычайная для стихотворца! — Ожидаемъ отъ Овидія и чрезвычайнаго, печальнаго, трогательнаго моленія! — Напрасно:

Овидій, вмѣсто того, чтобъ собраться и покорить всю душу свою печальному сему предмету, не упустилъ пересчитать, по обыкновенію своему всѣхъ дѣйствующихъ лицъ во адѣ, которые остановились, какъ преданіе говорило, внимая сіи нѣжныя пѣсни Орфея; Церберъ пересталъ лаять— Иксіонъ ворочать колесо— Фуріи свистать и проч. вмѣсто того, говорю, чтобъ заставить подлинно самой адъ надъ нимъ сжалиться, онъ пустился въ самую пустую, бездушную, натянутую декламацію, въ которой не видно даже обыкновенной его нѣжности, гдѣ все мертво и холодно какъ ледъ! — Представте же какое это мѣсто и какой случай! Какой стихотворецъ не могъ бы одушевиться симъ предметомъ?— Правда, что повѣсть сія была уже *сотая*, такъ сказать, для Овидія, и что онъ могъ истощиться.— Но для чего же въ случаяхъ не столько романическихъ, какъ сей, Овидій выдержалъ себя лучше?— на пр: описаніе страсти *Циклопа къ Галатеи*, кажется мнѣ гораздо трогательнѣе и нѣжнѣе, нежели сіе моленіе Орфея, которое само собою подавало болѣе изобилія, и вело къ

трогательному. Сколько снизшествіе сіе, которое не удалось Овидію, надѣлало въ наше время прекрасныхъ оперъ, балетовъ, кантатъ и проч? — — Гораздо лучше у Овидія письмо *Библисы*, и имѣетъ трагической тонъ. — Такимъ образомъ, какъ сказалъ я объ Орфеѣ, надобно судить и о его героидахъ или посланіяхъ и прочихъ сочиненіяхъ, гдѣ любовь замѣшана. Въ нихъ находятся прекрасныя и нѣжныя мѣста; но вездѣ *слишкомъ много* ума и *слишкомъ мало* прямой страсти.— Посмотрите, какъ кратко изъясняется настоящая любовь!— Вотъ 12 строкъ Саффы, въ которыхъ вмѣщается болѣе огня и чувствованій, нежели въ 20 героидахъ Овидія!—

Блаженъ! подобится богамъ
Съ тобой сидящій въ разговорахъ,
Сладчайшимъ внемлющій устамъ,
Улыбкѣ нѣжной въ страстныхъ взорахъ.

Увижуль я сіе,—и въ мигъ
Трепещетъ сердце, грудь тѣснится,
Нѣмѣетъ рѣчь въ устахъ моихъ
И молнія по мнѣ стремится.

По слуху шумъ, по взорамъ мракъ,
По жиламъ хладъ я ощущаю,
Дрожу, блѣднѣю, и — какъ злакъ
Упадшій — вяну, умираю.

Переводъ *Г. Державина.*

Но естьли вмѣсто сего пылкаго, страстнаго изъясненія, сія самая Саффа, начнетъ говоришь такимъ образомъ:

Ужели ты, мой другъ, ученыя руки
При первомъ на нее воззрѣньи не узнаешь?
И Саффы имени сначала не прочтя
Творца сихъ краткихъ строкъ — ужель не отгадаешь?
Ты спросишь, можетъ быть, за чемъ я премѣнила
Лирическихъ стиховъ знакомый мнѣ напѣвъ:
Познай, я влюблена; я пѣть хочу стенанья
И стихъ Елегіи приличенъ стонамъ симъ;
При каплющихъ слезахъ, нѣмѣютъ струны лиры.
Горю, какъ нива я, на кою наглый Эвръ
Нанесъ всежрущій огнь развѣявшійся въ полѣ.
и проч.

Овидія посл. Саффы къ Фаону.

Когда говоритъ вамъ такимъ языкомъ влюбленная женщина; то вы примѣтите, что стихотворецъ васъ обманываетъ и почерпаетъ изъ головы, а не изъ сердца. — Ни-

гдѣ не видно въ сихъ посланіяхъ Овидія той горячности, того сердечнаго изліянія, которое тотчасъ проникаетъ душу читателя, и которое должно оживлять столь быстрое чувство, какъ любовь. Посланіе отъ *Пенелопы къ Улиссу* почитается лучшимъ; но можно ли поставить его возлѣ посланія *Абелара къ Елоизѣ* или *Шарлотты къ Вертеру*? Мы имѣемъ чрезвычайные образцы въ семъ *патетическомъ* родѣ, которыми можемъ похвалиться: а древніе имѣютъ только одну Дидону; ибо любовь Цирцеи у Гомера болѣе кажется намъ смѣшною, нежели трогательною.

Я не смѣю распространяться болѣе разборомъ симъ, чтобъ не утомить вашего вниманія. Хотя и осталось еще пространное поле говорить о другихъ любовныхъ и дидактическихъ поэмахъ Овидія, но сего уже довольно, чтобъ познакомиться съ геніемъ сего любезнаго, всѣмъ извѣстнаго, классическаго стихотворца. Между прочимъ не должно забыть поэму его *Фасты* или *праздники Римскіе*, которая почитается

основательнѣйшимъ творенiемъ Овидiя, наполненнымъ ученостiю, почерпнутою въ прекрасной древности.

Самая Эпитафiя, которую написалъ для себя сей стихотворецъ изображаетъ вкратцѣ всѣ его свойства:

„Здѣсь лежитъ игривый пѣвецъ нѣжностей любовныхъ, стихотворецъ Назонъ. „Онъ былъ самъ виною своей погибели. Прохожiй! естьли ты любилъ когда либо, „скажи, прошу тебя: да почiетъ онъ съ „миромъ!“

Въ заключенiе вотъ *повѣсть Вертумна и Помоны,* которую обѣщалъ я, изъ XIV книги превращенiй. (*)

„Помона жила при Царѣ Прокѣ, обладателѣ холмовъ Палатинскихъ. Ни одна Латiйская Гамадрiяда не любила столько садоводства и не умѣла разводить плодоносныхъ деревъ, какъ она; отъ того и получила имя растительницы яблоковъ, *Помоны.* Не плѣняли ея рощи, ни источники; она занималась одними полями и вѣтьвями, раждающими сладкiе плоды; — ни-

(*) Повѣсть сiя не была читана въ Бесѣдѣ при посѣтителяхъ.

когда рука ея не касалась оружію ловитвы: она прогуливалась въ вертоградѣ съ кривымъ ножемъ, разчищала густыя вѣтьви и обрѣзывала лишнія отрасли. Иногда она прививала юную розгу къ чужой корѣ древа, и заставляла его сообщать соки новой своей питомицѣ. Никогда не допускала, чтобъ растѣнія ея томились жаждою; но всегда возливала на младые корни ихъ свѣжія струи. Къ сему вся страсть ея, къ сему вниманіе. Она не помышляла о пріятностяхъ любви. Но боясь дерзости поселянъ, ограждала садъ свой отовсюду; убѣгала мужчинъ, и возбраняла имъ входъ въ свои вертограды.

„Чего не дѣлали веселые Сатиры, забавляющіеся пляскою, и Панъ, увѣнчанный колючими вѣтьвями сосны, чтобъ ей понравиться? Сколько старался о семъ всегда цвѣтущія юностію Сильванъ и самъ Богъ садовъ, прекрасный Вертумнъ, который грозитъ длинною косою своею ворамъ яблоковъ!— Но увы! хотя Вертумнъ всѣхъ болѣе любилъ Помону, но также не имѣлъ успѣха какъ и другіе.— Онъ принималъ на себя различные виды, чтобъ привлечь вниманіе милой Нимфы. Иногда съ корзиною колосьевъ, и загорѣвшими щеками являлся ей въ видѣ румянаго жнеца. Иногда,

увязавъ чело пахучимъ сѣномъ, показывался косцомъ, недавно посѣкшимъ многіе луга; иногда, держа на плечахъ длинной бичъ, представлялся въ видѣ пахаря недавно распрягшаго усталыхъ воловъ: съ метлою въ рукахъ садовникомъ, съ ножемъ— виноградаремъ, съ лѣстницею собирателемъ плодовъ, съ удою— рыболовомъ, съ саблею—воиномъ: во всѣ виды наряжался, чтобъ свободно ее видѣть, ей казаться и плѣняться ея красотою.

„Наконецъ, употребляетъ хитрость, чтобъ склонить къ любви сію невнимательную садовницу.— Надѣваетъ на голову пеструю женскую повязку; привѣшиваетъ къ вискамъ нѣсколько клочковъ сѣдыхъ волосъ; сгорбившись, беретъ въ руку посохъ, и въ образѣ морщиноватой старухи приходитъ въ садъ къ Помонѣ. Тутъ разсматриваетъ сперва висячіе плоды и удивляется красотѣ ихъ, но еще болѣе той, которая ихъ лелѣяла. Потомъ привѣтствуя хозяйку похвалами, объемлетъ ее дружелюбно и даетъ нѣсколько такихъ поцѣлуевъ, какихъ отъ старухи никогда получить не можно. Онѣ садятся на дерновое ложе, и гостья, осматривая вокругъ висѣвшіе румяные плоды, видитъ виноградную вѣтвь, обвившуюся около прямостебельнаго вяза и къ сему предмету

нарочно склоняетъ свою рѣчь: „Какъ мило сіе соединеніе! Чтобы изъ сего вяза было, естьлибъ онъ стоялъ одинъ, имѣя только листвія? Теперь мѣшаются съ ними и плоды! Равно и съ этими прекрасными гроздами, естьлибъ они не обнималися съ вязомъ и не были поддерживаемы?— Онибы упали на землю и завяли. Для чего ты младая Помона не трогаешся симъ примѣромъ? Ты убѣгаешь отъ взора юношей тебя ищущихъ, не хочешь покоритьcя узамъ Гименея. О, естьлибъ ты только возжелала!— Никогда прекрасная Елена не имѣла столько жениховъ, какъ ты; ни сама Гипподамія, за кою Лапиѳы подрались съ Центаврами; ни Пенелопа Улиссова. И нынѣ когда ты отказываешь всѣмъ обожающимъ тебя, и нынѣ есть красавцы, воздыхающіе о тебѣ.— Полубоги и боги и обладатели холмовъ Албійскихъ горятъ къ тебѣ любовію. Буди благоразумна, и естьли хочешь имѣть выгодное супружество, послушай совѣтовъ старухи, которая тебя любитъ болѣе, нежели всѣ твои обожатели, и болѣе, нежели ты вѣришь, любитъ.— Оставь обыкновенные браки: избери Вертумна супругомъ, бога садовъ. За него я тебѣ буду порукою, потому что онъ самъ себя не столько знаетъ, какъ я. Онъ не изъ числа волокитъ, скитающихся по свѣту, но

здѣсь живетъ, и здѣсь имѣетъ смежныя поля; онъ непохожъ на безразсудныхъ юношей, которыми всегда преобладаетъ послѣдній поразившій ихъ взоръ (quas modo vidit amat, не могу я лучше выразить) — кои, что увидятъ, то и влюбляются; нѣтъ, ты будешь для Вертумна первымъ и послѣднимъ предметомъ. Тебѣ одной посвятитъ онъ жизнь свою. Прибавь къ сему, что онъ молодъ, прекрасенъ, имѣетъ даръ наряжаться въ разные виды и можетъ исполнить всѣ твои желанія, всѣ требованія твои. Для чего тебѣ не согласиться? Вы оба занимаетесь тѣмъ же дѣломъ, обоимъ любезны плоды древесные, оба собирать будете свои сокровища.— Вертумнъ не ищетъ никакого приданаго, ни садовъ твоихъ, ни плодовъ, ни обильныхъ овощей: ищетъ одной тебя. Уважь сей пламень—и представь, что онъ самъ моими устами, онъ самъ тебя умоляетъ. Дай руку Вертумну и страшись огорчить отказами Немезу и Богиню Идалійскую, которая ненавидитъ всякое нечувствительное сердце. Повѣрь мнѣ, гнѣвъ ея очень опасенъ, и я хочу тебѣ разсказать на сей случай одно печальное приключеніе, бывшее на островѣ Кипрѣ. Мнѣ старухѣ много кое чего удавалось слышать и видѣть на мой вѣкъ, и, можетъ быть, сія повѣсть смягчитъ твою суровость и за-

ставитъ тебя внимать благосклоннѣе моимъ предложеніямъ:

"Ифисъ незнатной юноша, увидѣлъ однажды Анаксарету, происшедшую отъ славнаго дома Тевкрова. Увидѣлъ, и огнь любви проникнулъ всѣ его чувства. По долгомъ размышленіи немогши преодолѣть своей страсти, рѣшился онъ итти въ чертоги своей любезной. Тамъ приступилъ онъ къ ея нянѣ, и умолялъ ее преклонить къ нему красавицу. Онъ даетъ подарки прислужницамъ, часто ввѣряетъ мысли свои трогательнымъ письмамъ, вѣшаетъ на дверяхъ ея вѣночки орошенные слезами, часто простершись на марморномъ помостѣ предъ ея порогомъ, проводитъ ночи безъ сна, и дѣлаетъ ихъ однѣхъ свидѣтелями своей горести.

„Ничто ни помогаетъ! Анаксарета глуха къ нему, какъ волны Океана; жестока какъ желѣзо на наковальнѣ Норика; тверда какъ камень. Она смѣется надъ Ифисомъ и презираетъ любовь его. Жестокая присоединяетъ къ невниманію гордость и отъемлетъ у нещастнаго и самую надежду.— Нетерпѣливый Ифисъ, не могши сносить далѣе своего мученія, однажды сталъ предъ окнами ея и сказалъ сіи послѣднія слова:

„Ты преодолѣла Анаксарета; не стану болѣе безполезными вздохами и пламенемь непріятнымъ нарушать твой покой. Радуйся жестокая, увѣнчай себя лавромъ, торжествуй надъ слабостію моею—я умру. Ты насладишься симъ зрѣлищемъ; никто не придетъ возвѣстить тебѣ о семъ. Я самъ возвѣщу о плачевной моей кончинѣ. Боги! естьли вы наблюдаете за участію смертныхъ, благоволите вспомнить обо мнѣ, и продлите сокращаемую нынѣ жизнь въ памяти людей.— Сказалъ, и предъ самыми дверями Анаксареты поражаетъ себя остріемъ въ сердце (*) Алая кровь брызжетъ на нихъ какъ струи дождя; онъ падаетъ и ногами ударяетъ въ двери нѣсколько разъ. Весь домъ смутился. Служители сбѣжались и отнесли нещастнаго юношу на рукахъ къ его матери. Она долго оплакивала единаго любезнаго сына; потомъ принуждена была исполнить послѣдній долгъ и проводить тѣло его къ печальному срубу.

„Домъ Анаксареты стоялъ на самой той улицѣ, по которой шествовали сіи похороны. Вопли и стенанія матери достигли слуха жестокой, но уже богомъ мстителемъ вмѣстѣ-

(*) Въ подлин. повѣсился—я не смѣлъ выставить такой картины при чтеніи.

воженной дѣвы. Она востекаетъ въ верхніе чертоги свои—смотритъ изъ окна, но едва увидѣла на черномъ одрѣ лежащаго Ифиса, мгновенно очи ея костенѣютъ, блѣдность покрываетъ тѣло, кровь застываетъ; она хочетъ отступить назадъ, но уже ноги ея не двигаются, хочетъ отвратить лице, но и сего не можетъ. Жестокость сердца ея сообщается всѣмъ ея членамъ. Она становится камнемъ.

„Не подумай, чтобъ это былъ вымыслъ: въ городѣ Саламинѣ и до сихъ поръ хранится истуканъ сей Княжны, и граждане, желая умилостивить богиню любви, построили ей храмъ отъ общаго благоговѣнія.

„Нимфа! бойся гнѣва Венеры, не медли болѣе, оставь неприличное дѣвѣ упрямство и соединись съ Вертумномъ, любящимъ тебя страстно. Пускай яблоки твои спѣютъ благополучно и пахучіе цвѣты твои не отцвѣваются дыханіемъ вѣтровъ.

„Помона колеблется. Въ самую сію минуту хитрый богъ, не принимавшій на себя тщетно толикихъ превращеній, является въ настоящемъ видѣ: скидаетъ съ себя нарядъ старухи, и предстаетъ прелестнымъ юношею, какъ

солнце, когда оно прогнавъ заслонявшія его облака, явится во всей полнотѣ. Нимфа, прельщенная красотою Вертумна, болѣе не отговаривалась, и подала ему свою нѣжную руку. Они соединили свои души и сдѣлались щастливыми супругами.„

Прекрасная Аллегорія сія представляетъ намъ сочетаніе *Осени* съ *Годомъ*, который по четыремъ временамъ принимаетъ на себя различные виды.

Я. Галинковской.

ЩАСТІЕ.

Что наше щастіе? . . . . обманчива мечта. —
Богатство, почести, блескъ славы, красота. . .
Не защищаютъ насъ отъ смерти неизбѣжной;
И юность красная, какъ цвѣтъ весенній, нѣжной
Отъ вѣтра бурнаго поблекнетъ и падетъ.
Въ семъ мірѣ жизнь и смерть, какъ ночь и дневный свѣтъ
Нераздѣляемымъ союзомъ сопряженны. —
Но мысли наши всѣ ко щастью устремленны;
И юноша, и мужъ, и старецъ съ сѣдиной. . . .
Всѣ ослѣпляются единою мечтой;
Отъ колыбели мы до самыя могилы
Употребляемъ всѣ старанія и силы,
Чтобъ щастье обрѣсти, стремимся каждый часъ
За милымъ призракомъ. . . но онъ бѣжитъ отъ насъ,
И въ души мрачное отчаянье вселяетъ.

Но въ чемъ же щастіе родъ смертныхъ полагаетъ?
Ужель оно въ любви? . . . . Но ахъ! сей даръ небесъ,
Сей даръ, столь сладостный. . . намъ стоитъ горькихъ слезъ,
И часто межъ цвѣтовъ скрываетъ змѣй ужасныхъ. —
Разсмотримъ щастіе сердецъ любви подвластныхъ:
Въ началѣ красота намъ взоры поразитъ,
И искру слабую любови поселитъ;

Но искра . . въ страшный огнь мгновенно превратится;
Сей огнь снѣдающій вездѣ разспространится:
Объиметъ мысли всѣ, весь духъ, все бытіе.
И юность, потерявъ спокойствіе свое,
Въ предметѣ миломъ зря блаженство и мученье,
Въ душѣ питая страхъ, надежду и смятенье,
Привѣтствуетъ слезой раждающійся день;
Встрѣчаетъ. . . вздохами унылой ночи тѣнь,
И въ сердцѣ чувствуетъ неизъяснимы муки.

Потомъ, представятся терзанія разлуки,
Измѣна, ревность, месть. . . сопутники любви,
Всѣ страсти бѣдственны посѣются въ крови.
Тогда цвѣтъ жизненный безвременно увянетъ;
Погибельный ударъ неожиданно грянетъ!
И свѣтлость юности затмится мракомъ тучъ!

Сколь часто намъ въ любви обманчивъ щастья лучъ:
Ужъ брачный день насталъ, и жертвенникъ священный,
Обвитый миртами, цвѣтами испещренный
Являетъ зрѣлище, толь радостно очамъ!
Амуръ и Гименей влетаютъ въ свѣтлый храмъ,
Готовясь озарить блаженствомъ новобрачныхъ . . . .
Но вдругъ за ними въ слѣдъ паритъ на крыльяхъ мрачныхъ
Дщерь ада грозная, покрыта вѣчной тьмой;
Она, сверкнувъ своей косою роковой. . . .
Лютѣйшимъ хладомъ огнь любови потушаетъ,
И брачно торжество въ надгробно превращаетъ.

Ахъ! щастіе въ любви преходчиво, какъ сонъ. —
Но гдѣжъ сей даръ благій свой воздвигаетъ тронъ? —
Ужели посреди всѣхъ бурь войны кровавой? —
Такъ поспѣшимъ туда, чтобъ упитаться славой,
И воплемъ падшихъ жертвъ весь наполняя міръ,
Пріять въ объятія желаемый кумиръ.
Ужъ честолюбіемъ кичливецъ вдохновенный
Сквозь груды тѣлъ свершилъ свой путь окровавленный;
Неодолимые оплоты бранныхъ силъ
Коварствомъ, дерзостью и златомъ низложилъ;
Разпространивъ вездѣ раздоры и крамолу. . . .
Изъ праха. . . . хищну длань простеръ уже къ Престолу;
Въ порфиру облачась, крушительнымъ мечомъ
За молньей молнію металъ, за громомъ громъ!
Плѣненьемъ тягостнымъ обременилъ столицы;
Съ властителей сорвалъ блестящи багряницы,
И на развалинахъ ихъ скиптровъ и коронъ
Мнилъ щастье обрѣсти. . . . Но жертвъ сраженныхъ стонъ
Терзаетъ духъ его злодѣйствомъ отягченный:
Всякъ часъ мечтаетъ онъ зрѣть мечъ надъ нимъ взнесенный;
Всякъ часъ, вездѣ, во всѣхъ мнитъ зрѣть убійцъ своихъ:
Свистъ вѣтра, шумъ деревъ, и даже гласъ родныхъ
Смущаетъ робкій слухъ губителя невинныхъ!

И такъ таинственный законъ небесъ всесильныхъ
И честолюбіе къ страданьямъ осудилъ. —
Но гдѣ же щастіе отъ смертнаго сокрылъ? —
Ужели злато всѣхъ желаній не свершаетъ? —

Такъ, старецъ тяжкую болѣзнь пренебрегаетъ,
И не довольствуясь умѣреннымъ доором,
Съ восходомъ солнечнымъ свой оставляетъ домъ;
Раздраннымъ рубищемъ, презрѣннѣйшимъ покрытый,
Какъ нѣкій хищный вранъ, или какъ волкъ несытый
Повсюду рыскаетъ, чтобъ злато пріобрѣсть;
Не внемля совѣсти, позабывая честь,
Мздоимствомъ страшное богатство собираетъ,
Но жадность къ оному въ немъ болѣ возрастаетъ.
Онъ, въ часъ полуночи снизшедъ въ подземный сводъ
Щитаетъ съ алчностью корыстолюбья плодъ.
Проводитъ день въ тоскѣ, проводитъ ночь въ боязни;
Малѣйшій шумъ. . . . уже ему предвѣстникъ казни;
Зря тѣнь свою. . . . онъ мнитъ, что хищникъ у дверей. . .
Съ оцѣпенѣвшею отъ ужаса душей,
Кладетъ сокровища подъ тяжкіе заклепы. . .
Но всеразящая, бросая взоръ свирѣпый
Проникла твердые затворы крѣпкихъ стѣнъ;
Сребролюбивый палъ надъ златомъ пораженъ,
И всѣ сокровища ударъ не отвратили.

Но въ чемъ же щастья зрѣть судьбы опредѣлили?—
Иль въ добродѣтели?— Такъ, щастье въ ней живетъ,
И время, удержавъ свой гибельный полетъ,
Не смѣетъ поразить священну добродѣтель.—
Во образѣ ея, Творецъ всѣхъ благъ Содѣтель
Свое подобіе для смертнаго явилъ.
Она. . . страдающимъ даруетъ крѣпость силъ;
Она. . . невиннаго въ нещастьяхъ утѣшаетъ;
Она. . . смерть праведныхъ безсмертьемъ озаряетъ;
Она. . . и въ рубищѣ. . . . величіемъ блеститъ;
Она. . . великими властителей творитъ;

Она. . . Егидъ отъ золъ пороками рожденныхъ;
Она. . . предвѣстница дней мирныхъ и блаженныхъ;
Она. . . въ небесную обитель насъ ведетъ. . .
Въ ней наше щастіе. . . инаго щастья нѣтъ.—

Степанъ Висковатовъ.

БЕСѢДА
О УЕДИНЕНІИ
КЪ А. С. ТАРАНОВУ.

Когда мы устранясь съ тобой отъ свѣтскихъ бурь,
Подъ чистую небесъ безоблачныхъ лазурь,
Дышали воздухомъ климата благотворна;
Когда питающа насъ дружба не притворна,
Чистосердечію свободный путь открывъ,
Избавила отъ узъ нашъ мысленный порывъ
И смѣло всюды мы стремили вображенье,
Скажи, любезный другъ, сіе уединенье,
Сія бесѣда душъ, сей искренности часъ
Не сладостнѣй ли былъ мірскихъ утѣхъ сто разъ?
Тутъ умъ, не опьяненъ страстей зловреднымъ чадомъ,
Удобенъ внутрь вещей проникнуть острымъ взглядомъ;
Тутъ къ мудрости ни что не препинаетъ путь,
Тутъ время есть въ свое и сердце заглянуть.
Презря полезную съ самимъ собой содружность
Ужель намъ суждено стремиться вѣкъ въ наружность!
Ужель не видимъ мы, что въ сонмищѣ забавъ
Не просвѣтится умъ, не вычистится нравъ!
О смертный! если ты ущедренъ такъ судьбою,
Что можешь жить одинъ, спѣши пожить съ собою:

Иль съ другомъ, раздѣля свободный часъ отъ дѣлъ,
Спѣши съ нимъ взоръ простерть истленья за предѣлъ.

Такъ, часто проводя съ тобой часы полезны,
Въ изгибы сердца мы вникали другъ любезный.
Такъ, часто зеркаломъ другъ другу послужа,
И внутренность души взаимно обнажа,
Учились быть добрѣй; и для себя лишъ строги
Учились извинять, что смертные не боги;
Когдажъ стараніе успѣхъ не повершилъ,
Въ насъ лѣнь тому виной, а не ничтожность силъ.

Но сколько въ свѣтѣ есть людей, которыхъ мнѣнье,
Въ число безумныхъ дѣлъ кладетъ уединенье!
Которымъ все равно: въ дали отъ свѣта жить
Иль въ гробъ себя велѣть живаго положить.
Тотъ умствуетъ, что мы должны имѣть въ предметѣ:
Богатство, почести, веселье въ здѣшнемъ свѣтѣ,
И все противное изъ мыслей истребя,
Должны всю нашу жизнь провесть вовнѣ себя;
А сей, что подчиня уму стремленье воли
Пріемлемъ на себя ярмо несносной доли,
Тогда, стараемсяль произойти въ чины?
Намъ средства рабскія умомъ возбранены;
Желаемъ ли вкусить любови утѣшенья?
Лишаетъ совѣсть насъ клятвъ ложныхъ вспоможенья
И даже позабывъ почтенье къ злату,— стыдъ
И въ карты подбирать и взятки брать претитъ.
Умъ, совѣсть, стыдъ, о ты! сословіе докучно,
Онъ мыслитъ; на бѣду ты съ нами неразлучно.

Робячьи правила, брюзгливый твой совѣтъ
Давно, и по дѣломъ большой отринулъ свѣтъ.

Пожалуй не суди другъ міра! насъ такъ строго,
Дай времени пройти, пожди хотя немного,
Подъ мощною рукой у Хрона старика
Быстротекущая событій всѣхъ рѣка,
Готовитъ въ будущемъ премѣнъ еще не мало,
Покоенъ ты — а зло остритъ во мракѣ жало:
Пока твои пять чувствъ, орудія утѣхъ
Всечасно новый въ нихъ сулятъ тебѣ успѣхъ,
Пока пріятными мечтами окруженный,
Числомъ забавъ твоихъ ты числишь дни блаженны
И огнь желанія несуетно горитъ;
Пока съ улыбкою къ тебѣ фортуна зритъ
И стелетъ розами роскошной жизни поле,
Весельемъ упоенъ, въ твоей щастливой долѣ,
Превыше чтишь себя ты жителей небесъ;
Но жребій, какъ возметъ противный перевѣсъ,
Какъ въ слѣдъ за лютою премѣною судьбины
Вдругъ перевернутся блестящія картины,
Когда изъ опыта узнаешь ты дивясь,
Что рушитъ родственну алчба корысти связь,
Что дерзкимъ ты слывешь за омерзенье къ лести,
Что мѣсто потерялъ за наблюденье чести,
Что злобы гласъ тебя въ безбожники вмѣстилъ,
Что преданъ тѣмъ, кого ты другомъ сердца чтилъ,
И долженъ безъ вины ходить съ поникшимъ взоромъ,
Когда, предъ обществомъ покрывъ тебя позоромъ,
Пустила по міру разпутная жена;
Тутъ лютой горестью душа поражена,

От свѣтских благ таких возжаждет устраниться,
И сам ты поспѣшишь тогда уединиться.

Но должно ли от бѣд на то приказа ждать?
Не лучшель самому так время учреждать,
Что бы на все могло достать его теченья,
Часть на веселіе, а часть на размышленье,
И нѣсколько минут отдав на свѣтскій шум,
В оставшіе чтоб мог поцарствовать и ум.
Владыкою себѣ одно поставить тѣло
И рабствовать ему, не умной твари дѣло.
Ты в истиннѣ себя не хочешь наставлять.
Ох! худо, как судьба возмется исправлять:
Весь в чувствах — никогда с умом — ты жизнь любезну
Свергаешь вѣчности стремглав в ужасну бездну,
И скоро тяжка скорбь, дочь роскоши и нѣг,
Плоть истощенную грозит лишить утѣх.
Тут тотчас к Велію и к Франку ты с возваньем,
Чтоб помощь подали не медля врачеваньем,
Чтоб крови уняли безмѣрну быстроту,
Чтоб уничтожили в желудкѣ остроту;
Уже врачи на скорбь искуство воружили,
Уж склянками тебя отвсюду окружили,
Противу лакомства совѣт их ополчен,
С Амуром, с Бахусом ты строго разлучен,
И что еще всего тебѣ противнѣй в свѣтѣ,
К такой приговорен ты на долго діетѣ.
Чтож? Еслиб прежде вихрь страстей уняв на час
Ты побесѣдовал с самим собой хоть раз?

Узрѣлъ бы, что давно твой умъ тебѣ вѣщаетъ
Воздержность въ самомъ томъ, что лѣкарь запрещаетъ.
Ты слушаешь врача—скажи, почтожъ ему
Покорнымъ лучше быть ты хочешь, чѣмъ уму?

Такъ—къ оправданью насъ, сколь разумъ нашъ ни гибокъ
Невѣжство наше здѣсь виною всѣхъ ошибокъ;
Но если мы возмнимъ, что школьныхъ знаній лучъ
Достаточенъ водить насъ въ мракѣ свѣтскихъ тучъ:
То будемъ слѣдовать лишь заблужденью вѣка:
Наука всѣхъ наукъ—познанье человѣка.
Она прямымъ ведетъ насъ къ мудрости путемъ,
И пламенникъ ея мы въ сердцѣ обретемъ.
Безъ поученія съ профессорской каѳедры
Намъ чувство внутренне велитъ, чтобъ были щедры,
Чтить друга истинны, пренебрегать льстеца,
Наставникъ есть у насъ превыше мудреца.
Спросясь съ собой, узнать безъ хитрыхъ толковъ можно,
Что съ чистой совѣстью спокойствіе не ложно.
Ужель не говоритъ сердечный намъ урокъ,
Что самъ себя казнитъ и здѣсь еще порокъ?
И долгъ, священный долгъ, чтить ближняго за брата
Не вѣдомъ развѣ былъ до Канта, иль Сократа?
Повѣрте! къ щастью путь намъ истинный открытъ,
Путеводитель въ насъ глубоко лишъ зарытъ.

О еслибъ мы себя почаще посѣщали
И умственный свой взоръ на сердце обращали,
Открылсябъ, кажется, такой намъ ясный свѣтъ,
Съ которымъ человѣкъ во вѣки не падетъ;

Которымъ добрые водились безопасно
А міра мудрецы гордилися напрасно.

Но разумъ въ насъ привыкъ зѣвать по сторонамъ
Отъ внѣшности отвлечь его ужъ трудно намъ.
Разнообразіемъ предметовъ обольщенье
Есть точное ему отъ міра пресыщенье,
Вотще потворствуя себѣ среди отравъ
Онъ мыслитъ, что и ихъ вкуся онъ будетъ здравъ.
Намъ истинна твердитъ, и съ нею опытъ свѣта:
Уединенье есть для разума діета.

Кн. Д. Горчаковъ.

ПИСЬМА КЪ ГРАФИНѢ Н. Н.

(ПРОДОЛЖЕНІЕ.)

ИЗЪ АРХАНГЕЛЬСКА.

№ 15.

Человѣкъ довольный, котораго ни что не заботитъ, ни что не тревожитъ, видитъ предметы особымъ образомъ; все ему встрѣчается къ стати, и вездѣ ему хорошо.

Такъ я донынѣ живу письмомъ вашимъ, добрая Графиня!— Часто смотрю на сушеные цвѣты, отъ васъ присланные!— Прелестный памятникъ мечты моей, силою которой почувствовалъ я, что такое щастіе земное, и гдѣ оно!— И хотя начинаю я чувствовать ожиданіе другаго письма, но между тѣмъ первымъ письмомъ вашимъ я всякой день удовольствіе мое поновляю—и мнѣ сносно!

Я къ стати коснулся щастія.— Вы меня спросили, въ чемъ я его полагаю?— Спросили, и требовали моего отвѣта!

Вамъ ли меня объ этомъ спрашивать, и мнѣ ли отвѣчать вамъ? — Простите мою откровенность.— Щастье, мнѣ кажется, съ вами неразлучно!— я такъ думаю вотъ по чему: гдѣ вы покажетесь — тамъ такъ пріятно! съ кѣмъ вы заговорите — тому такъ весело! Но какъ вы требуете понятія моего о щастіи смертныхъ вообще,— а я, послушнѣйшій изъ слугъ вашихъ; то обдумавъ задачу, искренно скажу вамъ мое мнѣніе.

Вы сами лучше меня знаете, Графиня, что всякой понимаетъ щастіе по своему.— У скупаго оно въ деньгахъ, у честолюбиваго въ чертогахъ Царскихъ, у умнаго въ знаніяхъ и проч.— Много о щастіи и говорено и писано, и естьли затверживать всѣ пестрые планы по этому предмету, то я думаю, что непримѣтно попадешся въ такую путаницу, что занявъ у Лапландца кафтанъ, у Нѣмца длинной парикъ, у Англичанина круглую шляпу, у Француза верт-

ливую походку, самъ себя не узнаешь, по тому, что чужое рѣдко что въ пору, и выдешь наконецъ по неволѣ какимъ-то шутомъ, или уродомъ.

Я не отвѣчаю, милая Графиня, что бы и я вамъ уродомъ не показался, но покрайней мѣрѣ таковъ я по природѣ.— Что тутъ дѣлать?—Я на это иду.—А вы ко мнѣ всегда снисходительны были.

Вотъ по какимъ причинамъ я никогда о щастіи ничего не читывалъ, и объ немъ говорю рѣдко.

Въ мысляхъ моихъ встрѣтите вы, можетъ быть, несообразности съ ученымъ свѣтомъ; рѣчь простую, безъ всякаго искуства сложенную.— Но за чѣмъ выработывать рѣчь въ отношеніяхъ сердечныхъ?

Источникъ сельскій и шумливый,
Бѣгущій въ дебряхъ по лугамъ,
Чрезъ камни скачущій игриво,
Подобный свѣтлостью лучамъ,
Съ горы срываясь въ чисто поле
Не веселѣе ль кажетъ видъ

Того, который въ злой неволѣ
Въ златыхъ заклѣпахъ жизнь томитъ,
И въ мраморахъ своихъ богатыхъ,
Въ порфирахъ, въ бронзахъ кудреватыхъ
Великолѣпья мрачной рабъ! . . .
Чуть дышетъ между львиныхъ лапъ?

И такъ вотъ вамъ любезная Графиня простая моя и коротенькая исповѣдь:

По разуму и сердцу человѣкъ отличается отъ животныхъ.

Свойство чистаго разума есть *пареніе, быстрота*. Но чѣмъ пареніе выше, тѣмъ болѣе разумъ видитъ свою ничтожность; чѣмъ быстрота стремительнѣе, тѣмъ сильнѣе отражается разумъ отъ непроницаемыхъ таинствъ природы.

Слѣдовательно: истинно умный человѣкъ занятіями разума доволенъ быть не можетъ. При возчувствованіи своего ничтожества довольнымъ быть не льзя: то какъ же быть щастливымъ?

Свойство чистаго сердца есть *стремленіе къ благу* частному и общему.

Чѣмъ болѣе такое стремленіе сердца проникаетъ въ предметы, тѣмъ болѣе человѣкъ чувствуетъ удовольствіе.

Слѣдовательно: кажется, что все щастіе человѣка состоитъ въ ощущеніяхъ сердечныхъ. — Я не говорю теперь объ ограниченномъ разумѣ, который питается и пухнетъ въ сѣтяхъ гордости; не говорю также о нечистомъ сердцѣ, которое ищетъ въ землѣ себѣ пищи.

Но что такое собственно щастіе? — Неужели можно назвать щастіемъ всякое удовольствіе, какое человѣкъ чувствуетъ безъ вреда другому? — По этому и пьяной, и скупой, и честолюбецъ, доколѣ первой пьетъ и не дерется; второй считаетъ деньги и не крадетъ, а третій шатается по придворнымъ лестницамъ и не сбиваетъ другихъ съ ногъ, должны быть щастливы?

Признаться вамъ Графиня, эта мысль меня поколебала. — Я неученый человѣкъ, потерялся было въ моихъ размышленіяхъ. Изъ одной мысли бросался въ другую. — Разумъ мой убѣждаль меня, что щастье че-

ловѣка на землѣ, есть дѣйствительно не что иное, какъ чувствованіе временнаго какого либо блага, и чѣмъ чаще человѣкъ пользуется такимъ благомъ, тѣмъ онъ щастливѣе. И я почти убѣжденію разума сдался.—Но сердце у меня билось!—я былъ недоволенъ; какъ! я думалъ самъ въ себѣ, я здоровъ, имѣю чѣмъ жить, пользуюсь хорошимъ столомъ, со мною ничего непріятнаго не случилось,—я покоенъ, я доволенъ, слѣдовательно и щастливъ?—Нѣтъ, быть не можетъ!—Такъ щастлива можетъ быть и лошадь и собака.—Нѣтъ! ты разумъ меня обманываешь! я пришелъ въ нетерпѣніе, схватилъ шляпу, и съ двора долой.

Попадись мнѣ на встрѣчу нищій, въ разодранномъ рубищѣ, а морозъ такой былъ жестокой! случились со мною деньги, я ему ихъ отдалъ.—Мнѣ такъ стало весело, какъ подумалъ, что этотъ старичокъ купитъ себѣ крѣпкіе сапоги, теплую шубу и мерзнуть не станетъ!—такъ мнѣ стало весело, что мысль о щастьѣ вдругъ освѣтила меня какъ молнія!—и я возвратясь домой написалъ вотъ что:

Щастье есть чувствованїе удовольствїя, но такого, которое отличаетъ человѣка отъ животныхъ.

Слѣдовательно щастiе человѣка состоитъ въ такихъ ощущенiяхъ сердечныхъ, которыя питаются благополучiемъ другихъ; они не только приносятъ человѣку удовольствiе въ жизни, но соединяютъ его съ Богомъ!

Ахъ Графиня! точно такъ, сердце доброе есть храмъ свѣта, бездонный источникъ наслажденiй.—Какое щасmливое творенiе тотъ человѣкъ, который сердечными ощущенiями украшаетъ жизнь свою!—Какъ каждая капля росы, или благотворнаго дождя, проникаетъ во всѣ составы растенiя, и живитъ его, такъ каждый предметъ питаетъ человѣка въ сердечномъ добрѣ, и богатствѣ живущаго! На чтобы ни взглянулъ такой человѣкъ, къ чему бы ни прикоснулся, все умножаетъ существо его, и достоинство жизни!

Вы безъ сомнѣнiя примѣтили, Графиня, что все видимое держится и сохраняется

силою какой-то связи! одиночное, что бы то ни было, истребляется въ мірѣ само собою!

Чѣмъ болѣе сердце къ нѣжнымъ ощущеніямъ чувствительно, тѣмъ болѣе, какъ я сказалъ, раздѣляется оно въ другихъ, и собственно собою уже существовать не можетъ.— Цвѣтку не обходимо солнце!

Блаженъ тотъ, для кого солнце всходитъ! Чудная связь! судьба посылаетъ доброму сердцу въ помощь другое на встрѣчу, и естьли встрѣтившіяся кромѣ другъ друга ни чего посторонняго въ предметѣ не имѣютъ, тогда знаете ли, что выдетъ изъ такой встрѣчи?— Они поселятся вмѣстѣ, одно другимъ начнетъ мыслить, чувствовать, жить!

Такую встрѣчу почитаю я истиннымъ щастіемъ на распутіяхъ жизни человѣческой, истиннымъ щастіемъ по тому, что жизнь вообще есть путь трудный. Раздѣленное горе слабѣетъ, радость раздѣленная умножается!

Всѣмъ даны сердца, но не у всѣхъ они равнаго достоинства, какъ я сказалъ вы-

ше.— Есть люди, у которыхъ сердце не что иное, какъ необходимое орудіе для обращенія крови!— Они имѣютъ свои наслажденія, но особаго рода.

Щастье ихъ, (коли такъ назвать его можно) вѣтрено, прихотливо; оно часто является въ чужемъ кафтанѣ; оно крадетъ знаки отличія, шпаги, ленты, и въ нихъ публично ходитъ; часто оно бѣгаетъ изъ дома въ домъ, набираетъ себѣ въ услуги шутовъ, дураковъ, злодѣевъ, — и все для умноженія своего двора.

Иногда оно на свѣтѣ
Ставитъ города вверьхъ дномъ;
Вдругъ увидишь съ нимъ въ каретѣ
Обезьяну съ дуракомъ, —
Ѣдутъ прямо въ знатный домъ;
Иногда летитъ орломъ! —
И на пиковомъ валетѣ
Сотни душъ тащитъ съ собой,
Лѣсъ, деревни, скотъ, въ полетѣ
Въ слѣдъ толпятся саранчой! ......

Но пусть это щастье живетъ гдѣ хочетъ, а я ему не слуга. — И да будетъ вамъ извѣстно любезная Графиня, что я его щастіемъ не почитаю и не называю.

Я исполнилъ приказаніе ваше.— Что на сердцѣ у меня было, то и на языкѣ; а есть-ли я набредилъ, то сдѣлайте милость не берегите меня, прикажите меня нарисовать:

Въ черномъ вытертомъ кафтанѣ,
А парикъ на мнѣ хохломъ;
Носъ въ малиновомъ сафьянѣ,
До колѣнъ камзолъ мѣшкомъ,
На носу очки какъ горы!
Пестры азбучныя вздоры
Крѣпко я держу рукой,
А въ другой клюкой рогатой
Я кажу тамъ смыслъ богатой,
Гдѣ въ словахъ лишь звукъ пустой.

И прикажите этотъ портретъ мой разослать по всѣмъ роднымъ моимъ, по всѣмъ пріятелямъ и знакомымъ, что бы всѣ видѣли и знали, что съ тѣхъ поръ, какъ я заговорилъ о щастьѣ, то таковъ сталъ преданный вамъ.

Ѳ. Львовъ.

ОДА
НА ВРЕМЯ.
СЪ ФРАНЦУЗСКАГО,
Г-на ТОМАСА.

1

Пространство смѣряно Ураніи рукою;
Но время, ты! душей обьемлешься одною.
Незримый, быстрый токъ вѣковъ, и дней, и лѣтъ;
Доколь еще не палъ я въ земную утробу,
Влекомъ тобой ко гробу:
Дерзну остановясь воззрѣть на твой полетъ.

2

Кто скажетъ мнѣ, когда ты бытность воспріяло?
Теченью твоему прозритъ ли кто начало?
Знать смѣжно съ вѣчностью зачатіе твое.
Въ незрѣломъ сѣмени средь мрака погребенно;
Хоть дѣйствія лишенно,
Но предваряло ты всей твари бытіе.

3

Хаоса нѣкогда врата поколебались
И солнцъ возженныхъ вдругъ огнями осіялись:
Родилось ты.—Чреда предписана твоя.
Движенье, рекъ Творецъ, пусть время измѣряетъ.
Природѣ онъ вѣщаетъ:
Се, время твой удѣлъ;—единый вѣченъ Я.

4

Таковъ Всевышній Ты!—такъ, Океанъ пространный,
Временъ объемлющихъ міры Тобой созданны;

Въ вѣкъ не приближится къ Престолу Твоему.
Преемно тмящихся дней многихъ миліоны,
Вѣковъ несчетныхъ сонмы;
Равно въ очахъ твоихъ ничтожству самому.

5

Но мнѣ живущему средь праха сей громады,
Противу времени вотще искать преграды!
Преслѣдуемъ, тѣснимъ его я быстротой.
Едину точку лишь въ пространствѣ занимаю,
И съ страхомъ ту теряю,
Зря изчезающу подъ трепетной стопой.

6

Мнѣ представляется повсюду разрушенье;
Смущенно око зритъ вездѣ опустошенье.
Се мхомъ обросшія гробницы давныхъ лѣтъ;
Обломки тамъ столповъ; тамъ падшія ограды;
Подъ пепломъ цѣлы грады....
Повсюду, время свой напечатлѣло слѣдъ.

7

Небесъ, земли, стихій, оно властитель мощный.
Но пусть рука его, союзъ міровъ непрочный
Средь тьмы безмолвія ко тлѣнію стремитъ;
Мысль пламенна моя восторгомъ окриленна,
Отъ міра удаленна,
Развалинъ,—жертвъ вѣковъ, надъ грудами паритъ.

8

Минувшіе вѣка!— и вы съ собой несущи
Судьбу вселенныя,— столѣтія грядущи!
Всѣхъ вкупѣ предъ собой предстать я васъ зову.
Временъ безмѣрный кругъ отважно облетаю;
Въ премѣны всѣ вникаю;
Текущимъ властвую, въ предбудущемъ живу.

9

Палящимъ бѣгомъ дня свѣтило истощенно,
Узритъ огней своихъ утрату постепенно,
И вѣтхія міровъ пружины согніютъ.
Какъ камни съ скалъ крутыхъ свергаются въ долины;
Въ день общія кончины,
Обрушась тысящьми, такъ звѣзды низпадутъ.

10

Все поглотившая тутъ вѣчность воцарится,
И время какъ ручей малѣйшій погрузится
Въ сей страшный Океанъ невѣдущій бреговъ.
Въ вѣкахъ не вмѣстная, моя душа нетлѣнна,
Пребывъ не пораженна,
Безстрашно подъ собой зрѣть будетъ гробъ міровъ.

11

Всесильный! Ты морей остановилъ стремленье;
Подобно прекратишь и времени теченье.
Но грозный свѣдомъ часъ единому Тебѣ!
Речешь: и въ вѣчну мглу вселенна погружаясь,
Внезапно разрушаясь,
Тогда лишь о своей увѣдаетъ судьбѣ.

12

Дрожащей мѣди звонъ какъ слухъ вашъ поражаетъ,
И невозвратный бѣгъ часовъ напоминаетъ:
Сей звукъ да поселитъ, о смертны! ужасъ въ васъ!
Душа моя отъ сна симъ звукомъ пробужденна,
Трепещетъ изумленна,
И смерти, мнитъ самой, внимаетъ страшный гласъ.

13

Въ какое, смертные, вы впали заблужденье!
Единый мигъ лишь данъ на жизнь, на размышленье:
И тотъ летящій мигъ есть тяжко бремя вамъ!
Стяженьемъ дорожа, а жизнь пренебрегая;
Себя едва позная,
Безумный смертъ зоветъ и гробъ свой роетъ самъ.

14

Сей, старостью согбенъ, бывъ отъ рожденья мертвой.
Другой, корысти рабъ, весь вѣкъ ея былъ жертвой.
Тотъ, жизнь губитъ въ играхъ терпя безплодный трудъ.
Богатый, чтобъ избыть тоски гнетущей бремя,
С именьемъ тратитъ время . . .
Всѣ мыслятъ не живя, что щастливо живутъ.

15

Престаньте, смертные, мечтой питаться сею!
Душей живите вы, и мыслите душею.
И время ваше, ей прилично размѣрять.
Внявъ мудрости, съ собой жить мирно научитесь;
Тогда не убоитесь
Протекшихъ вашихъ дней мигъ каждый вспоминать.

16

Когдабъ корысти могъ плѣниться я отравой;
И ей пожертвовать свободной, доброй славой;
Соблазнамъ чувствъ, мой духъ ослабшій покорить.
О время! рекъ бы я, приближь мою кончину,
Сверши мою судьбину!
Пусть лучше буду мертвъ, чѣмъ въ посрамленьи жить.

17

Но естьли отъ моихъ писаній возрожденный
Огнь добродѣтели, взраститъ распространенный;
Иль друга суждено печали мнѣ развлечь;
Иль гдѣ нещастные терпящи безъ защиты
Невинны и забыты
Ждутъ слабыхъ рукъ моихъ, чтобъ слезы ихъ пресѣчь.

18

О время, не стремись! Почти мою ты младость!
Пусть матери моей на долго дастся сладость,
Свидѣтельницей быть сыновней къ ней любви!
И добродѣтель пусть, съ блестящей славой купно,
Почіютъ неотступно,
На сѣдинахъ моихъ въ преклонны вѣка дни.

Переводъ Нелединскаго - Мелецкаго.

БАСНИ.

I.

ДЕМЬЯНОВА УХА.

Сосѣдушка мой свѣтъ!
Пожалуй-ста покушай.
Сосѣдушка! я сытъ по горло.— Нужды нѣтъ;
Еще тарелочку; послушай
Ушица ей-же-ей на славу сварена!
Я три тарелки съѣлъ;— и полно что за щеты?
Лишь стало бы охоты,
А то во здравье! ѣшь до дна.
Что за уха! да какъ жирна!
Какъ будто янтаремъ подернулась она.
Потѣшь же миленькой дружочикъ!
Вотъ лещикъ, потроха, вотъ стерляди кусочикъ!
Еще хоть ложечку! да кланяйся жена!
Такъ подчивалъ сосѣдъ Демьянъ сосѣда Фоку,
И не давалъ ему ни отдыха ни сроку.
А съ Фоки ужъ давно капился градомъ потъ.
Однакоже еще тарелку онъ беретъ,
Сбирается съ послѣдней силой
И очищаетъ всю.-Вотъ друга я люблю,

Вскричалъ Демьянъ,— за то ужъ чванныхъ не терплю.
Ну скушай же еще тарелочку мой милой.
Тутъ бѣдной Фока мой,
Какъ ни любилъ уху, но отъ бѣды такой,
Схватя въ охабку
Кушакъ и шапку
Скорѣй безъ памяти домой.
И съ той поры къ Демьяну ни ногой.

Писатель щастливъ ты коль даръ прямой имѣешь,
Но естьли помолчать во время не умѣешь,
И ближняго ушей ты не жалѣешь;
То вѣдай, что твои и проза и стихи
Тошнѣе будутъ всѣмъ Демьяновой ухи.

II.

ЛИСИЦА И СУРОКЪ.

Куда такъ кумушка бѣжишь ты безъ оглядки?
Лисицу спрашивалъ Сурокъ.
Охъ! мой голубчикъ куманекъ!
Терплю напраслину и выслана за взятки.
Ты знаешь, я была въ курятникѣ судьей;
Утратила въ дѣлахъ здоровье и покой;
Въ трудахъ, куска не доѣдала,
Ночей не досыпала;
И яжъ за то подъ гнѣвъ подпала;
А все по клеветамъ — ну самъ подумай ты:
Ктожъ будетъ въ мірѣ правъ, коль слушать клеветы!
Мнѣ взятки брать! — да развѣ я взбѣшуся.
Ну видывалъ ли ты? я на тебя пошлюся,
Чтобъ этому была причастна я грѣху!
Подумай, вспомни хорошенько.
Нѣтъ кумушка; а видывалъ частенько,
Что рыльцо у тебя въ пуху.
Иной при мѣстѣ такъ вздыхаетъ,
Какъ будто рубль послѣдній доживаетъ.
И подлинно весь городъ знаетъ,
Что у него ни за собой,
Ни за женой;
А смотришь по маленьку,

То домикъ выстроитъ, покупитъ деревеньку.
Теперь какъ у него приходъ съ расходомъ свесть,
Хоть по суду и не докажешь,
Но какъ не согрѣшишь не скажешь,
Что у него пушокъ на рыльцѣ есть.

Иванъ Крыловъ.

МЫСЛИ РАЗНЫХЪ СОЧИНИТЕЛЕЙ.

Побудительная причина составляетъ достоинство дѣлъ человѣческихъ, безкорыстіе совершенство ихъ показываетъ.

* * *

Писателю съ отличными дарованіями легче написать высопренное, нежели избѣжать ошибки.

* * *

Довольно отъ автора, слушающаго хорошее чужое сочиненіе и того, что онъ молчитъ. Онъ уже наказывается тѣмъ, что долженъ слушать хорошее, не имъ сочиненное.

* * *

Ни одно превосходное сочиненіе не устоитъ, ежели изключить изъ него всѣ тѣ мѣста, кои особенно каждому критику не нравятся.

* * *

Дураки читаютъ и не разумѣютъ; посредственнаго ума люди думаютъ, что

разумѣютъ все; большіе умы находятъ темное темнымъ, ясное яснымъ; умницы стараются показать ясное темнымъ, темное яснымъ.

* * *

Нужно проворство разбогатѣть отъ дурной книги; нужна простота покупать ее.

* * *

Краснорѣчіе къ выспренности содержится такъ, какъ часть къ своему цѣлому.

* * *

Политическія дѣла должны производимы быть безъ огласки по тому, что полезное дѣлается иногда и чрезъ средства не весьма похвальныя; и въ сихъ случаяхъ надобно скрывать отъ добрыхъ людей, дабы не упрекали; когдажъ употребляются средства хорошія, то должно скрывать отъ дурныхъ людей, чтобъ не помѣшали.

* * *

Въ войнѣ чаще и почти обыкновенно награждается удача, а не храбрость.

* * *

Пусть другъ мой видитъ мои пороки, а недругъ добродѣтели; то не будетъ пристрастенъ первый и несправедливъ другой.

* * *

Иный ослѣпляется блескомъ щастія, которое ведетъ его къ погибели, другой, гонимый рокомъ, сквозь терніе идетъ къ благополучію.

* * *

Не отдавать справедливости хорошему или превозносить худое, и то и другое, доказываетъ или недостатокъ вкуса, или пристрастіе.

* * *

Сберегать и наживать суть способности особенныя и несхожія: одна физическая, другая умственная. Кто бережетъ, тотъ часовой у кладовой; кто наживать умѣетъ, тотъ Генералъ хорошій.

* * *

Дабы пріобрѣсти уваженіе, надобно, чтобъ тебя или любили, или боялись.

* * *

Слѣдуя отъ женидьбы по страсти къ женидьбѣ безъ страсти, найдется пунктъ встрѣчи; ибо въ первомъ случаѣ отъ наслажденія уменьшается страсть, въ послѣднемъ отъ привычки умножается привязанность.

* * *

Женщина первую слабость свою желаетъ скрыть отъ себя самой, вторую старается скрыть отъ людей; о послѣдующихъ же не заботится.

* * *

Ложный другъ опаснѣе открытаго непріятеля; противъ послѣдняго вооруженъ ты, а первому самъ подаешь на себя оружіе.

* * *

Благодарность должна бы основываться на намѣреніи благодѣющаго, а не на благодѣяніи самомъ; но розысканіе причинъ не есть ли уже, какъ бы признакъ неблагодарности?

* * *

Величайшая добродѣтель есть забвеніе обиды, когда за оную отмстить можешь; отплата добромъ за зло есть высшренность добродѣтели.

* * *

Скрывай достоинства свои и не заботься о томъ, что видны недостатки; симъ избѣжишь зависти, понравишься сильнымъ: слѣдственно и успѣешь.

А. Хвостовъ.

СОЧИНЕНІЯ ЧИТАННЫЯ
ВЪ БЕСѢДѢ.

~~~~~~~~~~~~~~~~~~~~~~~~~~~~~~~~~~~~*

Къ прошлому 1812му и наступившему 1813му годамъ.

Прости на вѣкъ, о годъ ужасный!
Прости — пусть твой исчезнетъ слѣдъ;
Пусть время токъ твой столь нещастный
Изъ памяти всѣхъ изженетъ.

Но тщетно, суетно желанье!....
Успѣлъ отъ плуга до вѣнца
Ты водворить вездѣ стенанье;
Ты поразилъ умы, сердца.

Изсякнутъ ли тѣ рѣки крови,
Которой Западъ оросилъ?
Ты страшный къ отечеству любови
Залогъ въ Можайскѣ положилъ.

Не изженятъ дѣяній грозныхъ,
Свершенныхъ въ шесть недѣль тобой,
Ни огнь, ни стужа дней морозныхъ.
Бѣдами памятенъ токъ твой.

Врядъ заглушатъ трофеевъ звуки
И громъ побѣдъ новѣйшихъ дней

Ужасны стоны блѣдной муки:
Нещастье міра — твой трофей.

Всѣ ропщутъ на тебя, взываютъ,
Свидѣтельствуютъ каждый часъ;
Здѣсь вѣси и града пылаютъ,
Тутъ скорби раздается гласъ.

Бородино еще дымится
Отъ крови ближнихъ и родныхъ;
И тѣмъ лишь духъ нашъ веселится,
Что въ немъ могила Галловъ злыхъ.

Еще орудій слышу звуки,
И раненыхъ я слышу вой;
Тутъ кровь течетъ, летятъ тамъ руки;
Обрызнуло здѣсь мозгомъ строй.

Убитыхъ тмы, и тмы имѣютъ
Надежду умереть отъ ранъ.
Ихъ прахъ, иль вѣтры тамъ развѣютъ,
Или крыломъ прикроетъ вранъ!...

Но что за страшное видѣнье
Мой смутный поражаетъ взоръ?
Иль рушено вещей теченье,
Иль новый созданъ метеоръ?

Не даромъ вдругъ зардѣло небо,
Не даромъ: — сердце мнѣ вѣщаетъ то.

Должно злодѣйство быть особо,
Предъ коимъ всѣ бѣды ничто.

Ужасный гулъ въ томъ увѣряетъ;
Все небо, искры лишь однѣ .....
Увы, Олеговъ градъ пылаетъ!
Вездѣ огонь: и внутрь, и внѣ.

Валятся замки, горды стѣны;
Врагъ нашъ на пиршество пришелъ.
Мечталъ обрѣсть, но не обрѣлъ измѣны;
Такъ мстить за вѣрность восхотѣлъ.

Зажегъ Москву, Москва сгораетъ;
Но Россъ неколебимъ въ бѣдахъ.
Казнитъ Господь; но и прощаетъ:
Вѣщаютъ всѣ, — злодѣи нашъ прахъ.

Покорность, твердость безпримѣрна!
Врагъ нашъ изчезнетъ яко тѣнь.
Но чаша бѣдствія безмѣрна
Изсякнетъ ли въ единый день?

Хотя вкушаемъ даръ свободы,
Вождей въ лавровомъ зримъ вѣнцѣ:
Еще осталось многи годы
Младенцамъ плакать по отцѣ.

Москва горитъ, — и въ ней нещастный,
Воитель язвенный, больной,

Влачитъ, пожаровъ въ день ненастный,
Себя и одръ болѣзни злой.

Тамъ старецъ дряхлый, изнуренный,
Лишившись пятерыхъ дѣтей,
Врагами къ бѣгству принужденный
Въ степи кончины ждетъ своей.

Тамъ въ домъ свирѣпый врагъ вбѣгаетъ:
Нашедъ въ немъ женщину съ дитей,
Младенца объ полъ поражаетъ,
Взявъ мать насильною рукой.

Отъ глада и ночей холодныхъ
Тамъ у сосцевъ младенцы мрутъ;
Тамъ многіе въ мѣстахъ безводныхъ
Себѣ отъ жажды смерти ждутъ.

А здѣсь надъ тѣломъ вѣрна друга
Прелестна, нѣжна красота,
Мнитъ воплемъ воскресить супруга;
Утѣшна ей сія мечта!

Сестра по братѣ, мать по сынѣ
Проводятъ въ плачѣ ночи, дни;
И стрыя невѣсты нынѣ
Лишь погребальны зрятъ огни.

Подобнымъ зрѣлищемъ смущенный,
Я шелъ, блуждая по полямъ;

Въ ночи туманомъ помраченной
Внималъ ревущимъ лишь вѣтрамъ.

Возшелъ на гору, сѣлъ на камень,
И мнилъ о бѣдствіи міровъ;
Какъ вдругъ ужасный свистъ и пламень
Встревожили мой разумъ вновь.

Земля, казалось, адомъ дышетъ;
Трескъ оглушилъ, мрачилъ блескъ взоръ . . . . .
Я мыслилъ: перстъ Господень пишетъ
Послѣдній свѣту приговоръ.

Я всталъ: чтожъ зрю? се Кремль взрываютъ! . . .
Туда спѣшу я доступить.
Враги въ безуміи мечтаютъ,
Что могутъ небо устрашить.

Во храмахъ слышу конски ржанья;
Помостъ весь трупами покрытъ;
Но тщетны всѣ враговъ старанья:
Богъ нашъ всесиленъ — Кремль стоитъ.

Яви лице твое, мой Боже,
И потребленье наше зри;
Не дай Святыхъ разхитить ложе,
И судія будь нашей при.

Виждь, градомъ кто Твоимъ владѣетъ,
Твое же имя въ ономъ чтятъ;
Святилище твое пустѣетъ,
Въ немъ, Боже, срамоту творятъ. (*)

Возпряни, Господи, возпряни!
Гдѣжъ правосудіе твое?
Услыши вопль нашъ; Боже, гряни!....
Ты грянулъ,— врагъ зритъ зло свое.

Былъ побѣдитель многостранный,
Былъ славный вождь, страшилъ весь свѣтъ,
Былъ всюду, и вселялъ духъ бранный,
Казался силенъ былъ— и нѣтъ.

Сіи дѣянія ужасны
Суть главныя твои черты,
О годъ, вначалѣ столь нещастный,
Сколь щастливо свершился ты!

Уже враговъ несмѣтна сила
Исчезла, разнеслась какъ дымъ.
Россія Франціи могила
Изрыта Господомъ самимъ.

Бѣгутъ тѣ войска знамениты
Быстрѣй, чѣмъ вѣтръ перо несетъ;

(*) Пророчество Даніила, гла. IX, ст. 17, 18 и 19.

Имъ къ смерти всѣ пути открыты;
Ихъ Росскій мечь вездѣ женетъ.

Отъ глада мрутъ, отъ изнуренья,
Отъ множества трудовъ, недугъ;
И цѣлые полки, средь пренья,
Отъ стужи костенѣютъ вдругъ.

Иные спя близъ жара тлѣютъ,
Другой не чувствуя горитъ.
Днѣпра ужъ волны не бѣлѣютъ,
Какъ льдомъ весь трупами покрытъ.

Ты славу нашего злодѣя
Увлекъ съ собой, о страшный годъ!
За то, къ тебѣ благоговѣя,
Пришедъ, ты будешь въ родъ и родъ.

Почто лишь славу намъ цѣною
Безцѣнной ты купить велѣлъ;
И міра сдѣлавъ нась главою,
Въ одежду мрачную одѣлъ?

Теперь прости! скажи младому
Преемнику ты своему,
Чтобъ доброму, отнюдь не злому,
Въ тебѣ онъ подражалъ всему.

Чтобъ благоденствіе вседнευно
Въ Россіи возрастало съ нимъ;

Чтобъ бѣдъ чудовище тризевно
Всякъ мигъ считало зломъ своимъ.

Чтобы дѣла Россіи громки
Усугублялись каждый часъ;
И чтобъ побѣды лавры ломки
Цвѣли, твердѣли вѣкъ средь насъ.

Чтобъ Михаила (*), Витгенштейна
Дни безболѣзненно текли;
Чтобъ до бреговъ обильныхъ Рейна
Побѣду Россы принесли.

Чтобъ правда пребывала съ нами;
Чтобъ мѣста не было бѣдамъ;
Курился бы предъ олтарями
Молитвы чистый ѳиміамъ.

Чтобъ мира сладость вожделѣнна
Одушевила вновь весь міръ,
И тишина благословенна
Вездѣ уставила свой пиръ.

(*) Сіе писано въ Генварѣ 1813 года. Тогда К. М. И. еще былъ живъ; возможно ли было не желать продолженія полезныхъ дней его для блага всѣхъ народовъ, для славы Россіи? Жалѣть только должно, что желаніе сіе не исполнилось.

Чтобъ АЛЕКСАНДРА дни безцѣнны
Текли красуясь отъ доброть,
Какъ рѣкъ брега разпространенны
Ширѣютъ съ дальнимъ токомъ водъ.

ЕЛИСАВЕТЫ кротки свойства
Въ ненастьи былибъ намъ покровъ;
И общаго залогъ спокойства
Была бы къ намъ Ея любовь.

Небесные чины возпрянутъ
Зрѣвъ смертныхъ въ радостяхъ такихъ;
Тогда всѣ въ ликѣ общемъ грянутъ:
„*Богъ дивенъ во Святыхъ Своихъ* (*)

„*Въ языцѣхъ сотворилъ отмщенье;*
„*Царей и славныхъ ихъ связалъ;*
„*Явилъ онъ въ людѣхъ обличенье*
„*И преподобнымъ славу далъ.*„ (**)

Тогда, о годъ благополучный!
Я не дерзну тебя воспѣть;
Воскреснетъ Пиндаръ благозвучный,
Чтобъ щастіе сіе имѣть.

(*) Псаломъ LXVII, ст. 36.

(**) Псаломъ CXL, ст. 8 и 9.

Или пѣвцу ЕКАТЕРИНЫ (*)
Подамъ златую лиру я;
Иль въ злачны пренесусь долины,
Гдѣ безпрерывно зрятъ свѣтъ дня.

Да Ломоносовъ громогласной,
Возпомня выспренній свой духъ,
Днесь пѣснью стройной и прекрасной
Нашъ паки услаждаетъ слухъ.

Графъ Сергѣй Потемкинъ.

(*) Г. Р. Державинъ.

О ПОЛЬЗѢ НЕЩАСТІЯ.

ПАРМЕНОНЪ ХАРИДЕМУ.

Харидемъ! тотъ только нещастенъ, кто упадаетъ подъ тяжестію ударовъ случая, и не имѣетъ твердости противопоставить лютости судебъ терпѣніемъ ополченное сердце. Слабости человѣческой простить можно чувствованіе нѣкакое, слезу: но робѣть, а паче отчаяваться свойственно только состоянію такой души, которая въ себѣ, во внутреннемъ ощущеніи добродѣтели, не находитъ источника отрады.

Мы обыкновенно погибаемъ въ нещастіи отъ того, что въ предшествовавшемъ щастіи слишкомъ увѣрены были, и не могли вообразить, что бѣдство предстоять намъ можетъ. Наслажденіе безпрерывнаго благополучія изнѣживаетъ насъ, и слѣдующему за нимъ заключенію представитъ сла-

бую сторону, съ которой вѣрнѣй поражены быть можемъ. Тотъ, кто съ умѣренностію наслаждается ласканіемъ судьбы, достаточныя силы имѣть будетъ къ перенесенію ея суровости.

Нещастіе имѣетъ великія выгоды и благообразованныя сердца большое получаютъ подкрѣпленіе съ постояннымъ терпѣніемъ сносить его. Тотъ, кого ласкательствующее щастіе непрестанно въ нѣдрахъ своихъ носило, обыкновенно бываетъ не свѣдущъ; имѣетъ недостатокъ въ потребномъ искуствѣ жить въ свѣтѣ, въ полезныхъ знаніяхъ, посредствомъ коихъ, могъ бы устроить себя наиприличнѣйшимъ образомъ благу своему, покою и связи съ сочленами общества; не достаетъ ему нѣжности сердца, нѣкакого, къ злополучію другихъ человѣколюбиваго чувствованія, богатаго источника добродѣтельныхъ расположеній и ощущеній. Онъ недальновидящъ, гордъ, жестокосердъ и своеволенъ, а чрезъ то удвоется сила его паденія.

Отъ всѣхъ сихъ важныхъ погрѣшностей, предохраняетъ насъ благодѣтельное нещас-

тіе. Получаемъ чрезъ перемѣну участи нашей опытъ, учащій насъ мудрости, которую ни чѣмъ инымъ пріобрѣсти не можемъ. Начнемъ не слѣпо довѣрять льстивому блаженству и опасаться перемѣны, которая не невзначай уже встрѣтитъ насъ; ибо ожидали ее, а поелику предвидѣли, то и найдетъ насъ готовыми къ встрѣтенію. Въ семъ состоитъ половина побѣды. Мы вооружены и готовы на непріятеля; мы предъусматривали все и отыскивали возможныя средства укрѣпить себя и отъ него избавиться; чувствовали сколь полезно нещастіе и научились познать права, кои имѣетъ нещастный на соболѣзнованіе ближняго, буде не на подпору, не на утѣшеніе и не на помощь. Сердце наше смягчилось и приобрѣтя нѣжнѣйшее почувствованіе, начали мы то самое право, которое мнимъ, что пріобрѣли у людей признавать, и имъ принадлежащимъ. Не стали отказывать страждущимъ въ соболѣзнованіи, толико намъ самимъ нужномъ, и поспѣшали на помощь ихъ сколь скоро то возможно. Любовь къ человѣку, врожденная въ сердцахъ нашихъ отъ собственнаго испытанія, по собствен-

ному чувству нашему, дѣятельнѣйшею стала и искала распространиться. Сограждане любили насъ и естественно удивляясь привязанности нашей къ ближнему, въ возблагодареніе за то стали намъ друзьями, на утѣшеніе и помощь коихъ мы, при нещастіи собственномъ, положиться можемъ.

Сіи выгоды получаемъ мы отъ поучительнаго нещастія, и они-то пособляютъ намъ удобнѣе переносить его суровость. Сердце находитъ нѣкакое успокоеніе въ страданіи, когда видимъ, что сострадаютъ намъ другіе. Слезы сожалѣнія суть облегченіе въ болѣзни нашей. Воззрѣніе на разтроганнаго друга, слезами насъ удостовѣряющаго въ любви, ободряетъ, хотя впрочемъ оными ни чему помочь не возможно.

Повѣрь мнѣ, Харидемъ, нещастія суть уроки, подаваемые небомъ, благоволящимъ воспалить искры доблести, погасающія въ груди нашей и возбудя уснувшее великодушіе, котораго основаніе положила въ насъ природа, заставить дѣйствовать. Кто не желаетъ быть щастливымъ? Но сіе всегда

продолжающееся щастіе за сколь дорогую цѣну покупается! За потерю мудрости, за недостатокъ въ тѣхъ добродѣтеляхъ, кои насъ нещастныхъ превознесли бы предъ изнѣженнымъ щастливцомъ. Надмѣру свѣтское наше самолюбіе стремится всѣми усиліями къ непрерывному удовольствію; но буде милосердое небо свершитъ благость свою въ человѣкѣ добродѣтельномъ, то поведетъ его по степенямъ злоключенія къ постоянной премудрости, и образуетъ сердце его посредствомъ особыхъ ощущеній къ той доблести, которая отъ обыкновенныхъ отличается чувствованіемъ и правилами.

Великія добродѣтели не извѣстны вовсе избалованному щастіемъ, добродѣтели, достойныя быть искупленными лишеніемъ себя всѣхъ выгодъ міра сего, всѣхъ радостей, всѣхъ блаженствъ. Рѣдко человѣкъ на лонѣ щастія усовершенствуется; щастіе, нѣжная мать сія, портитъ чадъ своихъ, изливая на нихъ щедроты свои и не отказывая ни въ чемъ ихъ пожеланіямъ. Ты знаешь свойство сихъ желаній; онѣ безпре-

станно умножаются и не терпятъ препятствъ потому, что пріобыкли быть удовлетворенными. Они подобно потоку водою богатому, стремятся и увлекаютъ все, что противится. Божескіе и человѣческіе законы не суть препоны для нихъ. Изнѣженный щастіемъ, пріобученный все получать по желанію, неумѣренный въ хотѣніяхъ, нетерпѣливый и сердящійся на препятства, кои въ достиженіи мнимаго благополучія встрѣчаетъ, предается всѣмъ порокамъ, буде только они къ цѣли его довести удобны; особа его, по его мнѣнію, есть средоточіе творенія; ему принадлежитъ все; всѣ твари должны служить къ удовольствію его; всѣ пружины натуры дѣйствовать; и буде за что примется самъ, то дѣлаетъ сіе въ томъ только намѣреніи, чтобъ дать имъ направленіе на содѣйствіе къ его успѣхамъ. Корыстолюбивъ въ оказуемыхъ услугахъ, дѣлаетъ благодѣянія на тотъ конецъ, чтобъ пожать плоды съ оныхъ и продаетъ небольшія угожденія за великія ожиданія. Даетъ, безъ чувства; получаетъ безъ благодарности; роскошенъ безъ великодушія; имѣетъ ты-

сячу льстецовъ, и нѣтъ у него ни одного друга; знатенъ и непочтенъ, безъ заслуги почитаетъ себя великимъ по тому, что щастливъ. Хладнокровенъ ко всему, кромѣ самаго себя, не имѣетъ нужныхъ добродѣтелей, чрезъ кои въ щастіи своемъ благополученъ быть бы могъ и почтенъ въ своемъ величествѣ. Привыкнувъ къ лѣни въ объятіяхъ роскошной праздности, находитъ трудными тѣ достоинства, которыя снискали бы ему почтеніе, дружбу, любовь, не имѣетъ понятія о иномъ благѣ, кромѣ услажденій чувственныхъ. Они для него составляютъ все, и онъ ни въ чемъ себѣ не откажетъ, лишь бы удовольствовать сіи щастія его потребности. Всѣ средства для него равны. Съ тѣмъ же холоднымъ сердцемъ ощасливитъ нуждающагося, буде ему надобенъ, съ какимъ низвергнетъ богатаго, буде ему мѣшаетъ. Лѣвою рукою отдаетъ то, что похитилъ правою, и съ подобнымъ равнодушіемъ сохранитъ жизнь льстеца, съ какимъ умертвитъ пріятеля.

Верріонъ есть человѣкъ тотъ, котораго описалъ я. Отъ рожденія до возмужанія

не имѣлъ онъ инаго нещастія, кромѣ того, что постоянно былъ щастливъ. Здоровье, богатство, знатность, почести, роскошество, все то, чему поклоняется глупецъ, избыточно дала ему улыбающаяся судьба: но не пріобрѣлъ онъ ничего того, чѣмъ уважаетъ мудрый. При всѣхъ своихъ благодѣяніяхъ, не сдѣлалъ онъ ни одного добраго дѣла, при всей щедрости, никогда не былъ человѣколюбивъ. Равно столько же расточаетъ онъ для негодяевъ, раздѣляющихъ съ нимъ сладострастіе, сколько похитилъ у стенящихъ рабовъ обработывающихъ его помѣстье, не знаетъ сколь многого угнѣтаетъ недостатокъ, понеже не испыталъ его, даетъ не радуется, изторгаетъ не раскаивается. Желанія суть предначертаніе жизни его: буде можетъ удовольствовать ихъ не преступая законовъ, непротивенъ закону. Буде можетъ купить за деньги у отца невинность дочери, въ одномъ токмо грѣхѣ виненъ будетъ, не потому, чтобъ устыжался насилія, какъ и устыдится тому, кто привыкъ удовлетворять страстямъ и привычку почитаетъ за право; но потому, что легче подкупать,

нежели убивать. Когдажъ радѣтельный отецъ не согласится на свое благополучіе, (ибо Верріонъ такъ называетъ постыдный торгъ свой), то появятся узы и цѣпи; предстанутъ льстецы, кои въ признательность за благодѣяніе, или ложный доносъ, или ложную присягу учинятъ; а тутъ деньги, кои подкупленнаго Судью смертный приговоръ подписать заставятъ. На чтожъ бы иное нужны ему были друзья? дружба! не буду я во зло употреблять святаго имени твоего.— У Верріона льстецы, негодяи употребляются при порокахъ, какъ собаки при охотѣ. Кормятъ ихъ, дабы при манованіи готовы были загонять добычу. Когда онъ насытится, дѣлятъ они уловленное и наслаждаются снисканнымъ за толь великую цѣну. Въ семъ состоитъ союзъ и довѣренность: корыстолюбивый Верріонъ ни къ оказанію дружества, ни къ снисканію онаго отъ другихъ не способенъ. Гордясь преимуществами своими, кромѣ себя ни кѣмъ не уважаетъ и обходится только съ иными для того, что нужна ему ихъ помощь, съ другими для того, что забавляютъ его въ тѣ часы, когда отъ порока

отдыхаетъ. Онъ дикъ, необузданъ, поелику исполняются всѣ хотѣнія его; послику щастіе всѣ желанія его довольствуетъ и даже отстраняетъ отъ него естественныя наказанія порока, подобно необъѣзженому коню, коего, ни удила, ни ударъ, ни бодцы ѣздока не научили размѣрять съ осторожностію поступъ.

Коликимъ добродѣтелямъ научился бы онъ, естьли бы нещастіе необузданнаго смирило и заставило посредствомъ ощущеній размышлять! Постоянное щастіе часто портило лучшихъ людей, кои въ посредственномъ состояніи, гдѣ добро со зломъ попеременно были умѣренны, дружелюбны, скромны, вѣрны и благородны. Волшебный кубокъ счастія упоилъ разумъ ихъ. Гордость заступила мѣсто скромности, корыстолюбіе дружества и безчувственность человѣколюбія. Кто былъ великъ: Царь ли небольшой Македоніи, или обладатель цѣлаго свѣта? Все то, что мудрость въ человѣкѣ семъ тщательно и успѣшно устроила, испровергло непрерывное щастія продолженіе. Александръ сталовился

меньшимъ по мѣрѣ распространенія завоеванныхъ предѣловъ; въ маломъ Государствѣ былъ онъ Царь наилучшій, и содѣлался достойнымъ презрѣнія владыкою міра. Щастіе столько доставило ему, что не въ возможности и его уже было новое желаніе произвесть. Отъ сихъ преимуществъ человѣкъ, который при паденіи друга проливалъ слезы, сдѣлался тиранномъ, убивающимъ друзей своихъ; сталъ изъ скромнаго, раздѣлявшаго почесть Царскую съ Гефестіономъ, своенравенъ, возмнившій быть богомъ; изъ воздержнаго, трезваго, чистосердечнаго воина, распутнымъ, пьянымъ, подозрѣвающимъ развратникомъ. Природа не можетъ внѣдрить столько добраго, ни воспитаніе столько правилъ, мудрость столько пользы, сколько непрестающее счастіе разрушитъ, изпровергнетъ, искоренитъ.

Буде мы добродѣтель считаемъ за что либо, то да благословимъ нещастіе, ознакомливающее насъ съ ея чувствованіями. Я испыталъ тягость его, плакалъ; теперь вѣдаю, каково другимъ, могу и за нихъ пла-

кать. Былъ высокомѣренъ въ щастіи, и съ упрямствомъ воображалъ, что мнѣ ни чьей помощи не надобно, благодѣйствующее нещастіе открыло слѣпые глаза мои. Теперь вижу, что могу страдать и въ споможеніи ихъ имѣю нужду. Спускаюсь съ высоты и усмиряюсь. Повторенные удары судьбы дѣлаютъ сердце мое мягкимъ и чувствительнымъ; любовь къ человѣку начинается у меня соболѣзнованіемъ о немъ; становлюсь другомъ людей, начинаю добро дѣлать, представляю себѣ утѣхи и радость тѣхъ, кто во мнѣ нѣкакую помощь видятъ. Люблю друзей сихъ и начинаю въ дѣланіи добра удовольствіе находить; становлюсь остороженъ, ибо наученъ нещастіемъ. Гордость удалила отъ меня собратію мою и тѣ, кои обходились со мною, содержали себя въ нѣкоторомъ отдаленіи и никто не отверзалъ мнѣ сердца своего. Нынѣ окруженъ я многими соединенными со мною благодарностію, уваженіемъ, любовію. Не бывъ нещастенъ, никогда можетъ быть не чувствовалъ бы я удовольствія, произходящаго отъ дружбы и почтенія.

Но кромѣ другихъ выгодъ доставляетъ намъ нещастіе способъ оказать отличныя доблести. Здѣсь-то вызываетъ тебя судьба на поле сраженія, на коемъ достоинство и твердость духа явить можешь. Побѣдитель свѣта не столь великъ, какъ невинно-страждущій, предпоставляющій всѣмъ противнымъ случаямъ всегда одинакое терпѣніе. Покорность къ опредѣленію небесъ; постоянное возвышеніе духа противъ нападеній людскихъ; благодѣянія къ непріятелямъ, спокойство по среди бурь; какіе блистательныя преимущества человѣка: кто возможетъ отказать въ удивленіи тому, кто безвинно терпитъ и превозмогаетъ свое нещастіе.

Чѣмъ менѣе примѣровъ имѣемъ мы такого великодушія, тѣмъ болѣе удивляться долженствуемъ, буде увидимъ оные. Симъ-то научаемся познавать достоинство человѣческаго естества: сколь справедливо сохранить память и предать потомству имена тѣхъ, кои таковый примѣръ показали.

Описаніе о участи вашей, претерпѣніи и торжествѣ, страдальцы за честь человѣчес-

кой природы, читаю я съ болѣзненнымъ высокопочитаніемъ, сердце мое расширяется отъ пріятной гордости въ то время, какъ слезы появляются въ очахъ. „Представь мнѣ все войско твое, коимъ окружилъ ты Сенатъ, грози мнѣ смертію, я для сохраненія крови моей, текущей въ дряхломъ отъ старости тѣлѣ, не могу Марія, спасшаго Римъ и всю Италію, признавать за непріятеля; такъ отвѣчалъ Сцевола разъяренному Силлѣ, когда сей принудить его хотѣлъ произнесть приговоръ противъ друга.„

Ведутъ престарѣлаго Фокіона, не могущаго на ногахъ держаться, на смерть, старца въ продолженіи 80 лѣтъ неповинной жизни заслужившаго имя добраго. Народъ стекается, многіе сожалѣютъ о лѣтахъ его, многіе вспоминаютъ его славу. Подлецъ, одинъ изъ злодѣевъ его, плюетъ сѣдому старцу въ лице. Фокіонъ спокойно обращается къ судьѣ, его провождающему и говоритъ: запретите этому человѣку впредь поступать такъ недружелюбно.

Не сіи суть добродѣтели сластолюбца, щастіемъ изнѣженнаго. Дабы показать подобную твердость, надлежитъ терпѣнію нашему различными случаями быть испытану; надлежитъ, чтобъ душа наша напоена была правилами добродѣтели. Надобно, чтобъ мы непреодолимою любовію съ нею связаны были, любовію такою, которая заставила бы насъ забыть всѣ выгоды, всѣ движенія тщеславія. Мы должны, такъ сказать, съ высоты небесъ, въ священной тишинѣ, которую радостное съ добродѣтелями сближеніе въ насъ и въ округъ насъ производитъ, взирать на бури бреннаго міра.

Симъ укрѣпленный Сократъ видѣлъ приближеніе смерти, съ тою великостію духа, которой всѣ вѣки удивляться будутъ; вся жизнь его была борьба съ судьбою и побѣда надъ нею во всякомъ случаѣ. Онъ противился мужественно тридцати тираннамъ; но возвышеніе души было причиною его кончины. Извѣщаютъ его, что Аѳиняне приговорили его къ смерти; самый этотъ приговоръ, сказалъ онъ, давно уже произ-

несла обо мнѣ природа. Жена его роптала съ горестію на несправедливое обвиненіе. Глупая! это-то самое и утѣшать должно, не ужели бы ты хотѣла, чтобъ я обвиненъ былъ за дѣло? Выпилъ ядъ и міръ, о немъ всегда жалѣющій, оставилъ.

Достопочтенная смерть! Великій человѣкъ великъ и при паденіи своемъ. Онъ непосрамленъ; развалины священнаго храма и тогда уважены добросовѣстнымъ, когда они подъ ногами его.

Не думай Харидемъ, что названные мною только одни подаютъ потомству примѣръ великости и поводъ къ удивленію. Не искоренена еще великость дѣяній и добродѣтель, почтеніе возбуждающая. Но не ищи ее тамъ, гдѣ спокойствіемъ наслаждаются; ищи посреди непогодъ, среди возмущеній, гоненій, междуусобія; тамъ, гдѣ злоба противныхъ сторонъ, кровожаждущее суевѣріе, ненависть частная; тамъ, гдѣ всѣ страсти необузданы, всѣ права уничтожены и насиліе одно закономъ служитъ. Сіи-то суть

поля славы мудраго, тамъ ищи твердаго, дивнаго мужа, подобно Адиссонову ангелу по среди бурь, отъ коихъ подъ ногами земля колеблется, неунылаго и спокойнаго.

Въ таковыя-то времена родился Монрозъ. Съ тѣмъ же мужествомъ, съ коимъ защищалъ дѣло Короля своего и съ небольшимъ числомъ худовооруженныхъ наносилъ страхъ и ужасъ цѣлому народу бунтовщиковъ, съ таковою же неустрашимостію переносилъ онъ напослѣдокъ всю жестокость судьбы. Безчеловѣчные враги его вымышляя новыя ему мученія, дозволяютъ ему обнять въ послѣдній разъ дѣтей, не для того, чтобъ родителю нѣкакое успокоеніе доставить, но дабы самая нѣжность отца большею для сердца мукою была. Безъ успѣха! и самыя сіи объятія не поколебали тишины великой души. Слеза малодушія не оросила глазъ его, ни одна жалоба на несправедливость неумолимыхъ враговъ изъ устъ его не выступила. Ему читаютъ приговоръ, посрамляющій Англію. Опредѣлено ему: безчестнѣйшимъ образомъ умереть на ви-

сѣлицѣ, въ продолженіи трехъ часовъ служить зрѣлищемъ для непріятелей, потомъ отрубленную голову передъ темницею, руки и ноги въ четырехъ частяхъ города выставить и тѣло погребсти между преступниками. Приговоръ ужасный! но ужасный не Монрозу, сожалѣющему о нещастномъ, обманутомъ народѣ! Мнѣ это болѣе чести дѣлаетъ, говорилъ онъ, что голова моя выставится передъ тюрьмою, нежели то, когдабъ портретъ мой висѣлъ въ спальнѣ Короля моего. Какое мнѣ дѣло, что руки и ноги мои разошлются по частямъ города? Я желалъ бы столько рукъ и ногъ имѣть, чтобъ можно ихъ было разсѣять по городамъ Христіанства, дабы могли они свидѣтельствовать правость моего дѣла.

Такія-то души достойны удивленія нашего, но съ тѣмъ вмѣстѣ и подражанія. Великость ихъ не есть продерзость, а сила, не гордыня, а скромность, не упрямство, а терпѣніе, правилами поддерживаемое и судьбою утвержденное, основано не на суетномъ тщеславіи, а на добродѣтели.

Придерживаясь неба оставляетъ землю ея кругообращенію. О Харидемъ! примѣры такіе являютъ къ чему удобно человѣчество и указуютъ намъ не посрамлять природы нашей. Благословляй нещастіе; могущее довести тебя къ сему достоянію и научайся направлять его къ цѣли, ради которой Провидѣніе тебѣ его низпослало.

Изъ сочиненій Г-на Дюша.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ЧТЕНІЯ ОДИННАДЦАТАГО.

Стран.

Пѣснь Россіянина въ новый 1813 годъ - 3
Разсмотрѣніе Овидія. - - 20
Щастіе. - - - - 70
Бесѣда о суетности. - - 75
Письма къ Графинѣ Н. Н. № 15. - 81
Ода на время (съ Французскаго). - 91

Басни:

1 Демьянова уха. - - - 95
2 Лисица и Сурокъ. - - 97
Мысли разныхъ сочинителей. - - 99

Сочиненія, нечитанныя въ Бесѣдѣ:

Къ прошлому 1812 и къ наступившему 1813 годамъ. - - - 105
О пользѣ нещастія. - - - 115

ОПЕЧАТКИ.

Стран.	*Строк.*	*Напечатано.*	*Читай.*
9	1	началный	начальный
28	11	colorit	coloris.
49	11	стихотворы	стихотворцы
63	9	наряжился	наряжался
96	5	охабка	охапка

